ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 45 (214) 5 ОКТЯБРЯ 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1-я страница

Л. С. — Улучшим быт.
П. Скосырев — Вопросы быта — вопросы творчества

2-я страница

Трибуна писателя — А. Глебов, М. Зайка
Из иностранной критики — Андре Жид — мастер слова

3-я страница

г. Мунблит — Заметки об очерках
Ж. Гудзик — Как искажался Толстой
И. Нович — Учиться у большевиков-критиков

4-я страница

Горьковские дни в Ленинграде
Письма читателей
На ударном участке
Из иностранной поэзии

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, Ч. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич.

Факты, цифры

Материально-бытовые условия нашего писателя во многом определяют эффективность его творческой работы. Улучшить материально-бытовое обслуживание писателя — значит создать благоприятную творческую обстановку.

Около трех месяцев назад «Литгазета» вынесла постановку вопроса о материально-бытовом положении писателя и его обслуживании (см. «ЛГ», № 31 (200) от 11 июля). Были вскрыты недочеты и безобразия, наблюдавшиеся в снабжении и питании писателей, в работе дома творчества в Малеевке и т. д.

Прошло три месяца. Материально-бытовое положение писателя чем-нибудь улучшилось. Большое внимание быту писателя уделяет оргкомитет. Стремится улучшить снабжение и питание писателя и горком.

И все-таки...

Кооператив попрежнему работает плохо

Улица Герцена, 22. Здесь помещается общежительский распределитель — кооператив Моспрома № 175.

К кооперативу прикреплено свыше 1.000 человек. Здесь кроме писателей — члены горкома композиторов (200 человек), и работники издательств (ГИХЛ, «Федерация», МТИ).

Чем определено прикрепление к кооперативу работников этих организаций? Ничем.

И Всекомдрам, и горком композиторов, и издательства обещали оказать материальную помощь кооперативу, выделив средства на самозаготовки. Обещали свыше 50.000 рублей, но ограничились бумажным постановлением. Только оргкомитет выделил 10.000 рублей.

Около 900 человек получили от снабженческого горкома карточки за декоплектованное снабжение. Теперь горком реорганизует и кооператив, плановым отделом, трестом столовых.

Улучшилось снабжение? Нет.

— Все дело в Моспроме, который не выполняет распоряжения члены коллегии Наркомснаба т. Эйсмонта о снабжении кооперативов в первую очередь, — говорит руководитель лавочной комиссии т. Ларский. — Мы делаем и очередные заявления не получили еще некоторых нормированных продуктов. Нет транспорта.

В кооперативе тесно. Нет складов для хранения продуктов. В кооперативе были обнаружены хищения товаров. Семейные заболели и ряд заключили.

Плохо работает лавочная комиссия. Вопрос о улучшении работы не поднимался с апреля. На 10 членов комиссии было назначено 3 дежурных — 1-2 человека. Общественный контроль над работой кооператора слаб.

Самозаготовки, свой цех, птичник, свиноферма, огород, своя хозяйственная база — все это надо по-настоящему развивать.

Нужно признать лавочную работу в Моспарке в Лаврушинском переулке, создать свою материальную базу, свой писательский ЗРК.

Горсовет уже дал согласие на организацию писательского ЗРК. Материально-бытовой отдел оргкомитета ставит вопрос о изъятии нескольких совхозов (мясных, животноводческих, зерновой) для обслуживания писателей.

Где сегодня питаться моей семье?

Этот вопрос ежедневно волнует писателя.

Есть две «столовые»: при Доме Герцена и на ул. Воровского, в оргкомитете. Первая — еле обслуживает членов горкома писателей (говорят, до 1.000 человек?), вторая обслуживает не более 150 человек. И не одна, ни другая не обслуживают семью писателя.

Снабженческий цех пытался реализовать столовую в Доме Герцена. Начался ремонт. Обратились к управдомами оргкомитета т. Витину за разрешением использовать две комнаты полуподвала, что увеличило бы пропускную способность столовой.

— Надо вынести столовую из Дома Герцена, — ответил т. Витин.

После ликвидации ряда дворницких в Доме Герцена можно найти помещение для столовой. Брат за недостающие 2 м. То членов горкома композиторов (200 человек), и работники издательств (ГИХЛ, «Федерация», МТИ).

Чем определено прикрепление к кооперативу работников этих организаций? Ничем.

И Всекомдрам, и горком композиторов, и издательства обещали оказать материальную помощь кооперативу, выделив средства на самозаготовки. Обещали свыше 50.000 рублей, но ограничились бумажным постановлением. Только оргкомитет выделил 10.000 рублей.

Около 900 человек получили от снабженческого горкома карточки за декоплектованное снабжение. Теперь горком реорганизует и кооператив, плановым отделом, трестом столовых.

Улучшилось снабжение? Нет.

— Все дело в Моспроме, который не выполняет распоряжения члены коллегии Наркомснаба т. Эйсмонта о снабжении кооперативов в первую очередь, — говорит руководитель лавочной комиссии т. Ларский. — Мы делаем и очередные заявления не получили еще некоторых нормированных продуктов. Нет транспорта.

В кооперативе тесно. Нет складов для хранения продуктов. В кооперативе были обнаружены хищения товаров. Семейные заболели и ряд заключили.

Плохо работает лавочная комиссия. Вопрос о улучшении работы не поднимался с апреля. На 10 членов комиссии было назначено 3 дежурных — 1-2 человека. Общественный контроль над работой кооператора слаб.

Самозаготовки, свой цех, птичник, свиноферма, огород, своя хозяйственная база — все это надо по-настоящему развивать.

Нужно признать лавочную работу в Моспарке в Лаврушинском переулке, создать свою материальную базу, свой писательский ЗРК.

Горсовет уже дал согласие на организацию писательского ЗРК. Материально-бытовой отдел оргкомитета ставит вопрос о изъятии нескольких совхозов (мясных, животноводческих, зерновой) для обслуживания писателей.

Где сегодня питаться моей семье?

Этот вопрос ежедневно волнует писателя.

Есть две «столовые»: при Доме Герцена и на ул. Воровского, в оргкомитете. Первая — еле обслуживает членов горкома писателей (говорят, до 1.000 человек?), вторая обслуживает не более 150 человек. И ни одна, ни другая не обслуживает семью писателя.

Снабженческий цех пытался реализовать столовую в Доме Герцена. Начался ремонт. Обратились к управдомами оргкомитета т. Витину за разрешением использовать две комнаты полуподвала, что увеличило бы пропускную способность столовой.

— Надо вынести столовую из Дома Герцена, — ответил т. Витин.

После ликвидации ряда дворницких в Доме Герцена можно найти помещение для столовой. Брат за недостающие 2 м. Но все еще не решено, как быть с дворницким штатом писателей.

Столовая должна работать до 12 часов ночи (по примеру столовой Дома печати). Оргкомитет должен помочь горкому создать большую столовую и для писателей и для их семей (в крайнем случае открыть филиал столовой).

Улучшить снабжение

Снабтехсектор горкома раздал писателям свыше 1.000 промтоварных процессов МСПО и магазина ИТР. Снабжают эти магазины плохим товаром очень слабо.

Дальше: горком открыл 2 мастерские для починки обуви (Садово-Кудринская, №№ 9 и 14). Мастерские рассчитаны на починку 300 пар в месяц. Этого недостаточно. Нужно открыть не только починочные мастерские, но и мастерские для пошивки одежды (работающая портновская мастерская плохо обслуживает писателей). Горком и оргкомитет принимают ряд мер к улучшению обслуживания писателей парикмахерским, но это дело в темпах этой работы.

Для кого дома творчества?

Как будто для писателей.

Горком имеет два дома творчества и угодья писателя: Малеевку (на 82 чел.) и Голицыно (на 15 чел.). Дома творчества работают круглый год, но в них мало писателей. Творческий эффект от пребывания писателя горкома в доме — незначительный. Сейчас дома творчества на 50 проц. заселены семьями писателей и членами союза печатников. Надо произвести чистку отдыхающих в домах творчества.

Совершенно безобразно действующий ВОЛП, который уже после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля, расширил такие лишние базы писательского отдыха, как «Большая Медведица» (на Востоке) и Кисловодск, отказ их немедленно ликвидировать. Сейчас оргкомитет ставит вопрос о возвращении этих домов писателям.

Ударить по расхитителям общественной собственности

Оргкомитет работает над улучшением обслуживания квалифицированных писателей, над улучшением их медобслуживания (в 17 октябре 160 писателей будут госпитализированы на клиническое обследование в Кремлевку), над оздоровлением их жилищных условий, отдыхом.

И здесь нельзя обойти молчанием ряд безобразных фактов, допущенных в нижнем хозяйстве РАПП, в хозяйстве, переданном оргкомитету.

Управляющий РАПП т. Витин, переведенный к нам в оргкомитет, использовал свое служебное положение во вред писательскому хозяйству.

— Вам нужен аванс? Пожалуйста!

В РАПП широко практиковали выдачу авансов.

Оргкомитет принял несколько месяцев назад РАПП,—наследство в виде расписок в неполученных до сих пор авансах (по акту приемной комиссии за работниками РАПП числилось авансов на 10.000 р.).

— Вам может быть нужна мебель. Пожалуйста!

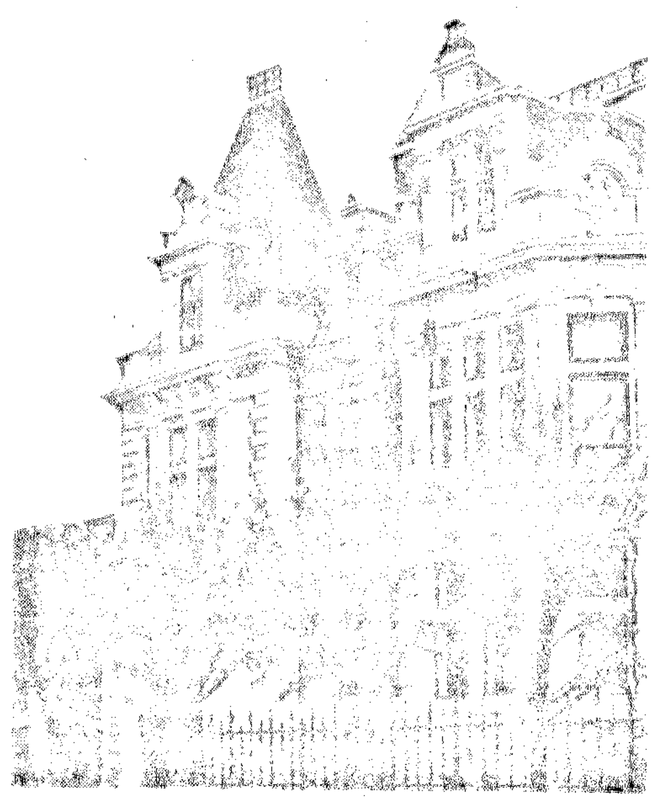
Управляющим Витиным выдано около 3.000 рублей для покупки мебели из Торгсина почам. Думаете, для дома писательницы? Ни в коем случае. Мебель закупалась для ряда отдельных лиц и для самого Витина. Выданные деньги до сих пор не возвращены.

Столовая дома профлитературы, а потом оргкомитета создавалась исключительно «начинающимся» как столовая писателям.

— Давайте экономить на пустяках.

— Есть! — сказали в управлении делами.

Пшеничная — зав. столовой.
Никитин — кладовщик.
Никитин — кассир.
Один в трех лицах. Сам себе хозяин, никакого контроля работы столовой. Результаты этого «экономного» ведения хозяйства оказались быстро.



Улица Воровского, 50. Здесь помещается оргкомитет союза советских писателей РСФСР. Здесь же проводятся творческие вечера писателей, устраиваемые оргкомитетом

Когда материально-бытовой отдел оргкомитета провел проверку хозяйства столовой, выяснилось, что общественная собственность писателей расхищалась. Выручка столовой за один день (300 р.) не была сдана. Полученные в сдаче 100 было мяса не было продуктов, числящихся в кладовой и не были зафиксированы в документах выдачи на кухню. Просто — разворовали мясо.

15 августа зав. столовой (за это время, вероятно, он же кассир) был снят с работы, а 16 сентября, по заявлению из отпуска, уволен.

Вопрос управляющему оргкомитета тов. Витину:

— Почему Никитин до сих пор не привлечен к уголовной ответственности.

Стенгазета месткома оргкомитета «Наша литгазета» рассказывала безобразия, допущенные в управлении делами оргкомитета. Только после этого горком писателей сделал заявление на местком оргкомитета. Местком работы слабо.

Ответственность широкую возложил на себя редактор горкома, местком и бюро литгруппы оргкомитета, которое рассмотрело это дело. Виновные сурово наказаны.

Надо отметить отсутствие чуткого руководства и внимательной заботливости оргкомитета по линии материально-бытового обслуживания писателей. На практике это часто приводит к смешению функций (например, в области денежной помощи писателю).

Надо изжить этот параллелизм. Горкому писателей следует держать оргкомитет в курсе всех своих дел.

А. КРУПНОВ

СОЗДАНА НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМИССИЯ

При оргкомитете союза советских писателей создана национальная комиссия, в задачу которой входит руководство творческой работой писателей-националов РСФСР.

Основной своей задачей писатель-националов ставит творчество на родном языке, участие в обогащении родной литературы языка. Сейчас существовавшее до сих пор авторское право отдало писателя-националов в безысходное положение. За переводы своего произведения автор не получал и не получает гонорара. Издательства платят им лишь часть гонорара (не больше 50 процентов), платят «на свой страх и риск». Другими словами, авторскими за лучшее свое произведение (либо для перевода обычно отбирается лучшее), получает, примерно, столько же, сколько получает переводчик — от 50 до 100 рублей за печатный лист.

Но автора-националов не балуют и «свои» издательства. Можно указать на ряд крупных издательств (Татиздат, еврейское издательство «Дер Эмес»), где ставки гонорара не превышают, за редким исключением, 120—130 рублей за печатный лист. Это — при тиражах в пять, семь и даже десять тысяч и при продажной цене, ни за копейку не устуловленной стоимости русской книги. Сэкономленная за счет авторского гонорара сумма идет на «оздоровление» бюджетов издательств.

Национальная комиссия, созданная при оргкомитете, возбудила перед ГИХЛ ходатайство об издании ежемесячного «толстого» журнала нацписателей на русском языке. Контингент читателей этого журнала обещает быть обширным. Читатели журнала — это, во-первых, литературоведы, учащиеся литературоведческих вузов, библиографы, критики и все те, кто интересуется творчеством национальностей СССР, не говорящих еще в широких массах самих националов, отторженных друг от друга языковой преградой. Журнал соберет и сколотит вокруг себя не только писателей, но и переводчиков, он будет содействовать сближению «национальных по форме и социалистических по содержанию» литератур.

ШАМИЛЬ УСМАНОВ

Улучшим быт!

Задача создания наиболее благоприятных условий для творческой работы советского писателя решается — наряду с мероприятиями по организации творческой среды, высококачественной критики и т. д. — и на путях улучшения материально-бытовых условий писателя. Ошибкой ведущих литорганизаций недавнего прошлого было почти полное игнорирование вопросов материально-бытового обслуживания писателя, вопросов создания прочной материальной базы для труда и отдыха писателя. Существовавшие кое-где профсоюзные органы (московский и ленинградский горкомы писателей) занимались этим делом подчас очень энергично, но по-кустарному, без твердого плана, без достаточной серьезности, не располагая к тому же ни достаточными силами, ни финансовой базой. Специфика условий писательского труда не всегда и не везде учитывалась. Недостаточно четкий подход и определению контингентов материально-бытового обслуживания создавал базу для «деятельности» довольно большого числа посторонних литературе людей, урывавших и без того не очень значительные средства.

Только теперь, в связи с развертыванием работы оргкомитета в этой области, дело материально-бытового обслуживания писателей начинает ставится по-серьезному. Это отнюдь не означает, что начатая работа проходит без ошибок и крупнейших провалов. Их достаточно много, и на некоторые из них мы указываем в этом номере нашей газеты. Однако важно констатировать, что дело ставится на плановые рельсы, приобретает известную финансовую базу и занимает достаточно большое место в практической работе оргкомитета.

Основные направления в этой работе определяются задачей устранения тех неполадок в материально-бытовом обслуживании писателя, которые отражаются на его творческой работе.

Под этим углом зрения должны быть пересмотрены некоторые нормы авторского права. Работа эта ведется в порядке подготовки материалов для внесения в законодательные органы наряду с проработкой вопроса о международной конвенции об авторском праве.

Проводятся специальные мероприятия, направленные к созданию условий для работы рабочих-авторов. В частности по предложению оргкомитета МССПС дал указание профсоюзным органам на предприятиях об освобождении рабочих-авторов от лишних нагрузок в целях предоставления им большего времени для творческой работы и учебы. Дано указание об обеспечении литкружков средствами, помещениями для занятий и т. п. Отдельным выдвинувшимся рабочим-авторам оргкомитет оказывал содействие в разрешении квартирных и иных материально-бытовых вопросов, направлял на учебу и т. д.

Чрезвычайно важным моментом в этой работе оргкомитета является вопрос об организации массового литературного фонда с весьма широким кругом функций по материальной помощи писателю. В настоящее время идет деятельная подготовка к оформлению организации литфонда при оргкомитете.

Широко поставлены вопросы лечебно-санитарной помощи писателю. Помимо проводимой поголовной диспансеризации писателей и организации квалифицированной амбулаторной и стационарной медпомощи подготовляется создание большого дома отдыха писателей на юге, собирается и приобретается в порядок в значительной части разбазаренный некоторыми литорганизациями курортный фонд (например, дома отдыха б. ВССП в Коктебеле и Долгой Поляне).

Оргкомитетом впервые за последние годы налажено улучшенное снабжение широких кругов квалифицированных писателей через закрытые распределители. Вырабатываются мероприятия, направленные к организации единого писательского кооператива, улучшается организация столовых для писателей. В целях создания своей производственной базы приняты меры к организации совхоза.

Существенной помехой в развитии всех этих мероприятий является все еще продолжающаяся несогласованность с оргкомитетом действий местных профсоюзных организаций. С этим нужно решительно покончить. Должна быть подчеркнута также недостаточная быстрота и настойчивость оргкомитета в проведении правильно намеченных мероприятий. В частности необходимо всемерно форсировать работы в части, касающейся домов отдыха и организации совхоза.

Явно недостаточно внимание оргкомитета вопросам материально-бытового обслуживания писателей на периферии. Правда, при выездах работников оргкомитета на места эти вопросы ставятся, но систематического руководства этой работой мест мы пока не имеем. С другой стороны, местные литорганизации, так же как и профсоюзные и советские органы, подчас не уделяют этому вопросу должного внимания.

Писательская организация, выполняя указания партии о создании наилучших условий для «серьезного размаха художественного творчества» должна систематически, планово, настойчиво и упорно добиваться наиболее полного ее решения.

Л. С.

Читки, связь с местами, литкружки

Задачи оргкомитета — создание необходимых условий работы в творческой атмосферы для советских писателей. Выполнена ли эта задача? Нашел ли оргкомитет нужные методы работы с писателем?

В значительной степени — да. Это — читки художественных произведений, вечера встречи писателей, критические совещания, создание консультационно-библиографической секции и т. д.

Организованные читки целых произведений Б. Лавренева, В. Сталецкого, Е. Пермитина встретили большой интерес среди писателей. Очередные вечера будут посвящены творчеству Вс. Вишневского, М. Левидова и др. Недостатки проведенных читок — в том, что вопросы творческого метода сплошь да рядом не освещались широкой, слабо привлечены критические силы.

Большое внимание уделяет оргкомитет литературам народов РСФСР. Организованная недавно секция оргкомитета объединяет татарских, белорусских, еврейских и польских писателей.

В состав комиссии, ведущей работу делами национальной секции, вошли тт. Лахути (председатель), Хаматов (зам. секретарь), Мирзаев, Рыбчи, Вокум, Мелдер, Сапожков. Специальная группа товарищей под руководством тов. Бейбулатова занимается изучением материалов по литературе Средней Азии.

Особенно ценно для писателей создание консультационно-библиографической секции, задачи которой — всестороннее обслуживание творческих нужд писателя. Это — организация встреч-бесед с деятелями науки и техники, подбор научного, политического, технического материалов, организация всевозможной информации через преобразование, снабжение писателей иностранными журналами, организация и дополнительное комплектование единой библиотеки, составленной из существующих ныне библиотек при клубе ФОСП, Доме Герцена и литкабинете.

Слабо влияние оргкомитета на журнальные и издательские дела. До сих пор не приступлено к изданию критического журнала, вопрос о котором уже давно решен. Это в значительной степени тормозит развертывание критической работы. Только теперь ставятся на заседаниях оргкомитета доклады журналов «Рост» и «Октябрь».

Связь оргкомитета с издательствами сказалась лишь в двух-трех конкретных мероприятиях — постановки о снижении цен на книги, выпущенные в оксфордской серии издательства «Федерация», и выпуска в том же издательстве небольшой серии книг в помощь начинающему автору.

Крайне плохо налажена связь оргкомитета с местами. Только с Ленинградом поддерживается постоянный контакт и обмен опытом. За все время лишь делегат оргкомитет командировал своих работников на места (Нижегородскую область, Оренбург-Чкалов, Тула, Сердобск, Казахстан и Урал). На очереди обследования оргкомитетов в Крыму, Белоруссии, Украины, Средней Азии, Казахстана.

Что же реально сделано сегодня? Учтено 20 оргкомитетов и оргбюро крупнейших республиканских, областных центров. Заслушаны доклады и сообщения представителей Куйбышевского, Сталинградского, Северокавказского, Новосибирского, Татарского, Калининского, Смоленского и Нижегородского оргкомитетов. Развернута письменная связь с местами. Получаемые оргкомитетом сведения указывают на то, что на местах работа только начинает развертываться. Тем более необходимо оргкомитету усилить внимание к периферии, уделять большую подвижность в снабжении связи с местами. Продолжает слабо работа этих неудовлетворительна.

В заседании от МАПП оргкомитет получил 50 действующих кружков по Москве. Сегодня работающих кружков — 55. Из всех московских кружков только 4 было обеспечено руководами. Оргкомитет не знает работы руководителей всех 55 действующих кружков кандидатурами руководящих, в большинстве случаев отличающихся. Кроме прежних регулярных кадров в руководству кружками привлечены члены ВССП и РОКП: тт. Безыменский, Демьян, Ромашов, Беккер, Усиевич, Кассиль, Сурков, Н. Вирта, В. Инбер, Кольцов и др. Есть один, случалось читка новой пьесы с участием членов правления по Москве и Ленинграду и т. д. Недостатки этих мероприятий в том, что в них слабое участие принимают периферийные писатели. Мы сообщали уже о плане мероприятий, проводимых оргкомитетом по руководству работой кружков, находящихся под руководством районных писателей. Сейчас оргкомитет командировал 10 действующих кружков. На местах: Рязань — 3 кружка, Тула — 3 кружка, Тула — 3 кружка, Калуга — 1 кружок, Воронеж — 1, Подольск — 2, Егорьевск — 2, Орехово-Зуево — 2, Ногинск — 2, Серпухов, Коломна — по одному специальному кружку. Кроме этого, по словам т. Юдина (в конце этого года) намечается послать с значительной поездкой писателей, которые настоящем таким центром не является, ошибки б. Буковедства РАПП, то зна-

С.

Вопросы быта — вопросы творчества

Чего не хватает писателю в его быту?

Прежде всего сносного помещения для работы. Если писатель не имеет, куда ему поставить свой письменный стол, он действительно, уподобляется рабочему, который лишен возможности стоять у станка. Писатель, который вынужден работать в той же единственной комнате, где обитает его семья (а таких среди писателей не меньше 75 процентов), находится в положении шофера, на место которого то и дело садятся пассажиры. Правь тут как хочешь. Вели машину ровно, не угоди в канаву, не задави прохожего...

Забота о помещении, о кабинете, о возможности запереться в комнате, остаться один на один с самим собой,— является в настоящее время основной бытовой заботой советского писателя. Написанную хорошую книгу поздравляют меньше, чем полученную лишнюю комнату.

Построенные уже и запроектированные оргкомитетом в постройке жилые дома для писателей, смягчают, конечно, в какой-то степени жилищную нужду писателя. Но ограничиваться постройкой одних лишь квартир нельзя. Постановление ЦК от 23 апреля обеспечивает как качественный, так и количественный рост советской литературы: новостройки, фабрики, заводы, колхозы выдвинули и будут выдвигать все новых и новых писателей. Полностью обеспечить удобными квартирами всех — в том числе и начинающих — писателей в ближайшее время, понятно, не удастся. **Нужно думать о строительстве, нужно немедленно приступить к строительству домов творчества,** где писатель мог бы — пусть не тремя — получать все условия, которых ему его квартира дать не в состоянии.

Этим летом мне довелось быть в Казахстане, в республике, которая не расположает — ни в каком отношении — теми ресурсами, какими может располагать Москва. Так вот, на окраине этой окраинной республики, в безводной угрюмой пустыне, на пустынном побережье Каспийского моря, я видел — и сам был там — дома, построенные трестом Эмбанефть для работы, отдыха и временного проживания приезжих специалистов.

За окнами или песчаные смерчи; ледяной сквозняк обжигает барханами; автомобили по суткам и по неделям торчали в горах, поджидая случайного верблюда или стол же случайной встречной машины, которая вытащила бы их из соленой непролазной грязи эмбинского бездорожья. — и в уютных кабинетах домов для специалистов приезжие инженеры могли иметь горячий душ перед обедом, сыграть партию в шахматы и в удобнейшей обстановке продолжать работу, начатую в Москве, Гурьеве, Алма-Ате или Ленинграде.

Что может себе позволить Эмбанефть, то должна сделать оргкомитет. В первую очередь (в перспективе, может быть, даже по отношению к очередности постройки жилых домов) должно быть приступлено к постройке домов творчества. Одной Малеевкой здесь удовлетворяться нельзя.

Между прочим, постановка дела в Малеевке требует немедленного улучшения, а может быть, и полной реорганизации. Вернувшийся только что из Малеевки писатель, убежавший туда от московского бескартирья, рассказывал мне:

— Прожил месяц там. Поехал специально, чтобы работать, и за весь месяц написал четверть листа. Почему? Плохо кормят, накурено, и тишина, и воздух, и никаких заседаний. Да вот жаль, что я в комнате двое. Не могу я работать, когда за стеной моей другой писатель пишет. Мы с ним в прекрасных отношениях. Он мой друг. Мы вместе провели не один месяц в Азии, в трудной и сложной поездке. Но работать с ним в одной комнате я не могу. Если бы в этой же комнате тачал сапоги сапожник, может быть, я и смог бы спе...—а вот с писателем...

Что это? Индивидуалистичность? Капризы? Болезнь? — Вздор. Вполне понятное желание работать в тех условиях, какие обеспечивают наибольшую продуктивность труда.

Проектированием домов творчества должны заняться сами писатели, должен заняться оргкомитет, не передоверяя этого дела разным там стройконторам, которые настроят казарм, куда потом писателя силком не затащишь.

Между прочим, постройка одного дома творчества, оборудованного на 40—50 кабинетов, дает возможность в течение года доброй сотне писателей работать в условиях, какие их домашняя обстановка предоставить не в состоянии. Стоимость же такого — на 40—50 комнат — дома творчества не больше стоимости жилого дома всего на 12—15 квартир.

Другим вопросом материально-бытового порядка, волнующим писателя, является вопрос организации поездок за СССР.

Писательские поездки, как показал опыт,— в настоящее время необходимейшее условие для роста и перестройки писателя. Разве не в результате организованной поездки появились «Сарычуки» Леонова, книга о Туркмении Павленки, «Кохейлан 4-ый» А. Дроздова, «Кочевники» Тихонова, книги Ляпина и Хацревина и многие другие. Писателю, конечно, нужен кабинет, но писатель, запертый в кабинете, вряд ли в состоянии дать нужные и творчески зрелые книги. Работа писателя протекает в двух планах — за столом и в дороге, на окраине, на новостройках, в вагоне. До сих пор, однако, организованно занималась посылкой писателей в различные районы СССР одна лишь секция писателей-краеведов. В большинстве же случаев, если писателю надо было в процессе работы повидать Днепрострой, Магнитогорск или, скажем, коневодческие совхозы Киргизии — писатель шел контрактоваться к какой-нибудь хозяйственной организации. Обзавелись даже и деятельности этой хозяйственной организации ряд очерков, от получал материальную возможность ехать туда, куда ему нужно, или — в лучшем случае — по соседству с тем районом, куда ему нужно. В результате такого кольцевого пути к достижению своей цели писатель нередко создавал горы ненужного, весьма часто не отвечающего значительной художественно-

стью. Окололитературные ловкачи вокруг контрактаций грели себе руки, писатель же настоящий (подучал, правда, возможность ездить и видеть) плевал в ярмо, очень часто ненужной ему (да и кому же только), понятерольной, халтурной по самому своему существу, груде написанный ему работы. Оргкомитет должен взять это дело в свои руки. Опыт работы писателей-краеведов и опыт туркменских и казахских бригад должен быть положен в основу работы той комиссии, которая займется этим материально-бытовым вопросом.

Тут мне могут сказать: — извините, но это уже не вопрос быта. Это — вопрос организации творческой работы. Бесспорно, это вопрос творческого порядка. Но в том-то и дело, что быт советского писателя теснейше переплетается с его творчеством. Заботясь о быте, улучшая материально-бытовое положение писателя, открывая дома отдыха и творчества, давая писателю возможность ездить по стране, охраняя его здоровье (с этим вопросом тоже еще не все благополучно) — оргкомитет, советская власть, партия прямо способствуют творческому росту советского писателя, который приступил уже к созданию достойной нашего времени и наших людей, бодрой, умной, честной, нужной пролетариату художественной литературы.

П. СКОСЫРЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Ждем от оргкомитетов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска и др. областных центров и автономных республик РСФСР конкретного ответа на поставленные т. Скосыревым вопросы.

Является ли институт ЛИЯ руководящим творческим центром?

Перед Институтом ЛИЯ Комакадемии огромные ответственные задачи. Нужно разворачивать широкую, конкретную работу за реализацию постановления ЦК партии от 23 апреля. Вскрытые ошибки и извращения в литературной теории и практике, серьезные прорехи в нашей работе Института, борьба за ленинское литературное наследство, забота о конкретной критике отдельных произведений наших советских писателей, работа над созданием монографий о литературе народов Советского союза, идейно-творческое воспитание начинающих литературно-критических кадров, обеспечение творческих связей с писателями-ударниками, в большинстве случаев отсутствующими. Кроме прежних регулярных кадров в руководству кружками привлечены члены ВССП и РОКП: тт. Безыменский, Демьян, Ромашов, Беккер, Усиевич, Кассиль, Сурков, Н. Вирта, В. Инбер, Кольцов и др. Есть один, случалось читка новой пьесы с участием членов правления по Москве и Ленинграду и т. д. Недостатки этих мероприятий в том, что в них слабое участие принимают периферийные писатели. Мы сообщали уже о плане мероприятий, проводимых оргкомитетом по руководству работой кружков, находящихся под руководством районных писателей. Сейчас оргкомитет командировал 10 действующих кружков. На местах: Рязань — 3 кружка, Тула — 3 кружка, Тула — 3 кружка, Калуга — 1 кружок, Воронеж — 1, Подольск — 2, Егорьевск — 2, Орехово-Зуево — 2, Ногинск — 2, Серпухов, Коломна — по одному специальному кружку. Кроме этого, по словам т. Юдина (в конце этого года) намечается послать с значительной поездкой писателей, которые настоящем таким центром не является, ошибки б. Буковедства РАПП, то зна-

С.

Из американского журнала „Новые массы"

Р. с. хт. Гекко

„РАЗОРУЖЕНИЕ"

Право на полный голос

Советская драматургия переживает под'ем. В этом не было сомнений до 23 апреля. Тем паче нет их сейчас. И все-таки, бесспорно идя вверх, мы еще не научились говорить полным голосом. Горький своей новой пьесой неотразимо доказал это. Он говорит со зрителем так, как должны научиться говорить мы все. Он завоевал право на полный голос, и этот голос звенит всеми оттенками действительной жизни, этот голос — сама жизнь.

Только такие безудержно эмоциональные люди, как Вс. Вишневский, могут говорить, что «Горький плечом вышиб, сорвал с петель привитую драматургам капонность», и наряду с этим утверждать, якобы сейчас уже «спицы руки не полезут в рот, в глотку писателя, который говорит правду» и т. д. (см. «Л.Г.», № 41). Двойное недоразумение, товарищ Вишневский! Во-первых: полезут. А во-вторых этим (полезут или не полезут) еще не решается вопрос. Он гораздо серьезней.

Сначала о первом, о руках. Да, постановление ЦК партии крепко ударило по наиболее бесцеремонным и ненашенским рукам «налитпостовских» группощиков. Эти руки отшиблены, надо думать, раз и навсегда, и резкий скачок вверх писательской активности — результат этого — налицо. Но разве не осталось еще сколько угодно других рук, трусливых, приспособленческих, невпопад угодливых или просто неловких, которые если и не будут лезть в рот писателю и держать его за глотку, то будут тянуть за фалды, когда писатель говорит правду? Вот пишет писатель: молодой рабочий, присужденный фашистским судом к годам тюрьмы и увозимый из здания суда, обменялся на улице улыбкой с приглянувшейся ему незнакомой девушкой, и от этой улыбки стало ему легче, лучше, бодрее. Положа руку на сердце: разве не отыщется тут же ревнитель идеологической выдержанности, который, хмуро насупясь, отметит на полях, что, дескать, «интимный» момент заслонен физиологическим? Обязательно же найдется. А уж за то, что отыщется критик, который, аргументируя всеми категориями диалектики, докажет и обоснует «преваллирование мелкобуржуазного по существу биологизма и стихийности над классовою сознательностью», — голову прозакладываю. Трактуя пьесу, молодой актер или режиссер, умудренный двумя курсами вечернего университета при теаклубе, втайне подумает, что недурно было бы сыграть «такой моментик», но... с пеной у рта, жонглируя цитатами из всех театральных авторитетов, докажет обратное. А писатель писал правду, рассказанную ему живым человеком. Это — наиболее обыденный пример. Что же будет, если писатель коснется таких «несолидных» (с точки зрения «старых дев от идеологии») и острых вопросов, как борьба с уравниловкой в ее конкретности, как проблема показа отрицательных явлений нашей действительности, характеров классового врага и т. п. Можно предвидеть (и по опыту ряда пьес мы знаем), сколько рук дружно вцепятся в фалды писателя, чтобы стащить его на указанную дорожку канонизированного, приятного своей влажностью и отсутствием риска трафарета.

Горький сделал огромное дело, протаранив силой своего имени, своего авторитета стену из [illegible], выросшую рядом все в задворках, в кулуарах, в самой [illegible]. Но этим ударом [illegible] не [illegible] «с петель» дверь, как пишет Вишневский, в упоении своей жизнерадостностью [illegible] положение. Советской драматургии предстоит огромная борьба с театрами, с критикой, со зрителем даже и в первую голову со своими собственными недостатками, прежде чем она завоюет право на полный голос. Горький своим «Егором Булычевым» дал только сигнал к этой борьбе. Один спектакль ничего не решает. Надо сдвинуть с места всю машину театра, повернуть ее под другим углом.

Что значит завоевать право на полный голос? Это значит приобрести незыблемую уверенность в том, что твоя правда — действительно об'ективная правда, а не суб'ективное отклонение от нее, что, зовя к чему-то читателя и зрителя, ты ни в чем не ошибаешься, не допускаешь ляпсусов, обращающихся против революции, рабочего класса и его партии. Может ли быть в данное время такая полная уверенность у большинства писателей (в том числе и у причисляющихся к пролетарским)? Конечно, нет еще. Отсюда — всеобщее стремление учиться, по-настоящему понять Маркса и Ленина, по-настоящему овладеть их методом. Отсюда — особенная внутренняя настороженность каждого подлинно-советского писателя к самому себе, к своей работе, своему пониманию действительности.

Есть у нас писатели (в том числе драматурги), которые подолгу молчат. Нередко такой факт молчания вызывает двусмысленные комментарии. Порой эти комментарии обоснованы: писатель действительно переживает разлад с советской действительностью. Ясно, что это трагедия не для действительности, а для писателя. Но в ряде случаев факт молчания свидетельствует лишь об углубленной работе писателя над самим собой, о подлинной перестройке мировоззрения, о преодолении крутого под'ема. И прежде чем потребовать временно умолкнувшего «по первому разряду», надо товарищески осведомиться, не вызвано ли молчание именно этим. Вдумчивому писателю (а что же это за писатель, если он не вдумчив?) есть над чем серьезно подумать в наши дни. Сложнейший переплет классовой борьбы внутри страны и во всем мире, оглушающий водопад событий, невиданные обнажения глубинных пластов человеческой доблести, героизма в паряду с этим дикости, зверства, подлости, крайнее обострение противоречий, из которых соткана ткань жизни, — разве все это может быть освоено искусством, если художник не научится так же отчетливо разбираться в людях и делах эпохи, как геолог разбирается в беспорядочном напластовании пород?

Основная и бесспорная заслуга РАПП состоит в том, что ею постоянно заострялось внимание писателей на проблеме мировоззрения. К сожалению, эта заслуга обрамлена таким неаппетитным и абсолютно невнятельным гарниром их схоластической заумы и грубейших, недопустимых ошибок в области конкретной критики, что... надо эту проблему ставить заново. Несомненно, в этой плоскости лежит основная работа, предстоящая нашим критическо-исследовательским кадрам. Я сейчас говорю как писатель. Когда я сажусь за новую работу, я испытываю одно единственное желание: забыть о всех литературных дискуссиях и умствованиях на свете и видеть одну только настоящую жизнь. Мое желание разделяют, я знаю, многие. Мы многому научились за последние годы, но в то же время невероятно засорили голову пустяками, шаблонами, вымыслами. Мы, как опытные шахматисты, на десять-двенадцать ходов вперед можем предугадать все, что может быть сказано «с точки зрения диалектики» за и против любого положения. Мы умеем жонглировать десятком «диалектических» клинков одновременно и поражать ими врага во славу «ее, Диалектики». А изображать по-настоящему действительность мы не умеем, и Горький, менее всех принимавший участие в блистательных «диалектических» турнирах, вдруг сумел «Булычевым», как огромной шапкой, накрыть сразу десятки Авербахов. В самом деле: какие просторы открываются, какая свежесть обещана, если забыть о том, что был Авербах и то-то писал о мировоззрении, а то-то о Горьком... что жили на свете Ермилов, Лузгин и прочие умники... что была грустная книжка Афиногенова и рапповское театральное совещание... что два талантливейших писателя — Фадеев и Либединский — так прекрасно цитировали и Ленина, и Стендаля, а в своей творческой практике зазевались, привязанные к хвосту коня, оседланного Толстым... Но разве же можно это забыть? Нельзя. Неправильно это. Надо все помнить, все взвесить, все учесть, отобрать семена творчества и отбросить лузгу. Этим должны заниматься и критики и писатели. Первые — по обязанности, вторые — в порядке саморазвития.

Но когда писатель садится за непосредственно творческую работу, он должен уподобиться слепому, с глаз которого только что сорвали катаракту. Слепец все знает, ему ясны все отношения людей и вещей, он может быть прекрасно знаком с теорией атома, с физикой, химией, диалектической природой явлений. Но все это отступает на второй план, когда он впервые увидит мир во всей (для него) первозданной свежести! Так должен видеть (и притом каждый раз, всегда!) мир и людей писатель. Это не означает возврата к теории «непосредственных впечатлений». Это никак не снимает ведущей роли мировоззрения, определяемого конкретностью классовой борьбы. Я повторяю: слепец все ведь знает и понимает! Идет речь о возврате к свежести восприятия. Идет речь о том, чтобы писатель прежде всего видел жизнь, а не формулы, не «установки», не шахматные комбинации «диалектического» порядка. Не это ли самое рекомендовал Маркс, когда советовал «погрузиться в материал», в нем самом, в его противоречивом развитии нащупать главное и ведущее, и не насиловать действительность априорными выводами, а проверять последние на подлинных фактах? Не этим ли путем пришел Горький к созданию «Егора Булычева»?

Кстати о «Булычеве» и о «ведущих» жанрах и произведениях. Надо, по крайней мере временно, если не навсегда, об'явить передышку: никаких ведущих! Довольно канонизировать. Провозгласим самую неограниченную свободу поисков новых форм, приемов, законов, вытекающих из содержания, из природы материала! А там поглядим, что окажется ведущим и почему. Не могло быть и не было (кроме как в воображении Киршона и присных) «генеральной линии РАПП». Была и есть генеральная линия партии. Так и тут: зачем подменять единую и всеобщую «генеральную линию» диалектического материализма равнением на отдельные жанры и тем более произведения? Если сейчас приходится особенно много говорить о «Егоре Булычеве», то **это не значит, что речь идет о равнении на данный жанр, данную форму. Надо равняться на правильное, ленинское понимание и применение Горьким общего для нас всех творческого метода.** Но отнюдь не надо думать, что кто-то другой, идя тем же идейным путем, но совершенно иными формальными путями, не сможет создать столь же важного для эпохи и для развития нашего искусства произведения, как начатая драматическая трилогия Горького. Больше поисков! Больше зрелости! Больше красок!

Огромное значение пьесы Горького в том, что она забила основный кол в могилу «налитпостовского» понимания об'ективизма. Есть об'ективизм и «об'ективизм». Об'ективизм в «налитпостовском» издании — это бесчисленные ляпсусы Авербаха, Ермилова, Либединского, Афиногенова, Сутырина и т. д. в теоретических высказываниях, это афиногеновский «Чудак», благословенный Фадеевым и Либединским, это «Высоты» и «Рождение героя». Красной нитью через все эти опусы проходит правооппортунистическая, бухаринская концепция равновесия, «гармония» добра и зла. В результате — при самых похвальных и честных суб'ективных намерениях — получился об'ективизм, регистрирующий, протокольный, бесстрастный, выхолощенный, квазибальзаковский. Совершенно иной об'ективизм у Горького. Да, он предельно об'ективен в изображении людей и событий. Но он, которого Авербах — «зрелище не для богов, а для Мюзик-холла!» — обвинял в «замазывании ведущей и передовой роли пролетариата», как никто сумел сочетать абсолютную об'ективность изображения с полным и сознательным подчинением ее этой вот самой «ведущей роли» пролетариата и его мировоззрения. Об'ективизм Горького весь пронизан его, горьковским, пролетарским, суб'ективным отношением к миру и к людям. Он страстен, он воинствующ, он целеустремлен и направлен — несмотря на то, что нигде не прибегает к литфронтовским ходулям и наклеиванию ярлычков. В противоположность «налитпостовским» практикам и теоретикам, попавшим в плен к «мертвой, бледной, сухой» (по Ленину) бухаринской теории равновесия, об'ективизм Горького, достигая вершин правдивого изображения жизни, прекрасен именно потому, что в нем ясно ведущее начало пролетарской революции, в действительности, в об'ективном мире являющееся ведущим и преобразующим этот мир.

Говорить полным голосом — это и значит говорить, как Горький. Может быть избрана любая форма, совсем не схожая с формой, излюбленной Горьким, но сущностью должно быть вот это горьковское умение говорить просто, честно, правдиво и смело. Смелости нашим писателям, которых еще недавно держала за глотку безобразная групповщина, а сейчас продолжают тянуть назад и в стороны руки приспособленцев и обывателей от искусства, определенно недостает. А она должна быть обретена, эта смелость. Тогда только литература подымается до вершин своего общественного значения, когда она сумеет дать выход бурлению живой жизни, когда она не будет трусливо отступать перед ним, перед голосом врага, а сумеет показать этого врага (как и друга) во весь рост — так, как показан Горьким Булычев.

В писательской среде нередки сравнения нынешнего положения литературы с положением ее в прошлом, точнее говоря — с теми десятилетиями XIX века, когда слово «литератор» так же действовало на воображение реакционеров, как сейчас слово «большевик» действует на христианско-твердолобых зубров Европы и Америки. Крылатое словцо насчет того, что Белинский, живи он сейчас, был бы не литератором, а членом политбюро, перекликается с утверждением Ленина, что «приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать». Отсюда кое-кто делает пессимистические в отношении литературной профессии выводы. Отклик советской общественности на юбилей Горького, совпавший с появлением «Егора Булычева», — прекрасный ответ всем этим настроениям. Вот отношение пролетарской страны к человеку, который так или иначе в основном принадлежит к племени «литераторов». Почему? Потому что он полным голосом говорит о жизни, потому что его слово не просто слово, а вклад в культурную революцию, которая есть часть пролетарской революции—неотделимая и все более увеличивающаяся в своем относительном значении.

Сомнения относительно места и удельного веса литературы (в частности драматургии) бесследно рассеются, как только основная масса писателей, преодолев ряд суб'ективных и об'ективных препятствий, завоюет такое же право на полный голос. Голос литературы, усиленный рупором театра, не будет при этом звучать вразрез с эпохой (как бывало неоднократно в прошлые десятилетия). Среди тысяч ее голосов он будет звучать лишь особенно громкой и звучной нотой.

А. ГЛЕБОВ

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ВЕНГЕРСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Б. ИЛЛЕШ

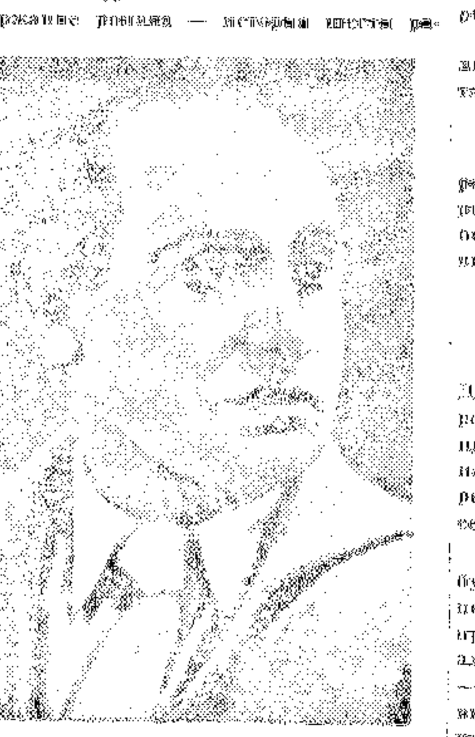
Я работаю сейчас над новым романом «ВОЙНА И ВОЙНА», рисующим кризис мелких придунайских государств на фоне политики Малой Антанты, роста балканского фашизма в чешской и австрийской демократии. Роман охватывает период с 1916 по 1932 год.

Содержание романа — история шести рабочих разных национальностей, служивших в одном полку австрийской армии и попавших вместе с этим полком в русский плен. Национальные причины, сделавшие их врагами после развала старой Австро-Венгрии, отходят на второй план, уступив место классовым интересам. Одни из этих шести рабочих идут к пролетариату, другие — классово чуждые — уходят к врагам революции.

Роман, рассчитанный на 14—15 печатных листов, надеюсь закончить в 1933 году, хотя он только что начат.

*

Б. Иллеш недавно закончил и сдал переводчику третий и последний том своего романа «ТИССА ГОРИТ». Перевод должен быть закончен через два месяца. Книга выйдет в ГИХЛ.



Б. Иллеш

А. ГИДАШ

Начал писать трилогию «СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО». Это — полуавтобиографический роман, задача которого — показать, что представляла собой социал-демократическая партия Австро-Венгрии до начала войны и революции, показать, откуда берет начало ее оппортунистическая политика.

Первый том этого сатирического романа будет написан в этом году. Он охватывает период с 1900 по 1914 год и рисует жизнь пролетарских детей в большом индустриальном городе (Будапеште), их воспитание — в школе, церкви и дома. В романе будут выведены типы мелких кустарей, мещан, интеллигентов, рабочих, аристократов и вождей социал-демократической партии. (Размер романа — десять печатных листов. Выйдет в издательстве «Молодая гвардия»).

А. Гидаш работает также над лирической поэмой о венгерском революционном движении и социалистическом строительстве в СССР.

Последняя, недавно законченная, работа А. Гидаша — текст к четырехактной опере «ЗЕМЛЯ ВСТАЕТ». Опера приурочена к пятнадцатилетию Октября. Музыку пишет композитор КОВАЛЬ.

А. Гидаш

Записки „середняка“

Обращаясь ко мне с вопросом «над чем работаете», «Литературная газета» застала меня врасплох. Я не могу уклончиво ответить на этот вопрос.

Я сейчас действительно работаю, и эта работа кажется мне одним из решающих моих шагов. И хочется чуть-чуть оглянуться вокруг и назад, может быть, взглянуть на себя и посмотреть в себя, чтобы поделиться по-настоящему.

Есть такой писатель Мате Залка. Он приемлем, довольно жизнерадостен, бывает на общих собраниях, конференциях. Его выбирают, назначают и... иногда издают. Но этот Мате Залка, хотя и считается писателем, выпустившим и напечатавшим уже несколько книг, все же — самый что ни на есть писатель «середняк» и, очевидно, останется им надолго.

Средний писатель — это скука в маленьком квадрате. Средняя книга — это испорченная бумага, напрасно затраченное время бумажников, типографов, издателей и читателей. Плохая книга — это самое звучное антиобщественное явление. Середняк в литературе — это обиднейшее определение.

— Начинающий писатель... это звучит многообещающе.

— Талантливый писатель — это доля признания.

— Средний писатель... Это что?

К сожалению, в литературе всех времен преобладал этот «середнячок», заполнявший газеты, альманахи, приложения к журналам и газетам для почтенных подписчиков. Ровной и проторенной судьбой берут эти литературные «середняки».

И в сосредоточенной гурьбе [illegible] там выделяются (ростом и шерстью) вертлявая и задорная «коза» или «козел» с загнутыми назад рогами и с колокольчиком на шее.

Но как выделяется пастух или подпасок! Они настоящие великаны (и порою великанами кажутся серые ослики).

Толстой говорит где-то: каждому человеку суждено написать один раз в своей жизни что-нибудь интересное, будь то письмо к другу, лирическое стихотворение или запись в жалобную книгу.

Писатель начинается тогда, когда эти удачные по форме и содержанию письменные труды входят в систему деятельности человека. Но как обидно, когда эта система скучна!

Ну, так вот Мате Залка считается «середнячком». Вот идет литература советская. Темы нашей великой эпохи тут и там звонят колокольчиками голосов наших молодых поэтов. Пейзаж нашего времени изумителен. Мы выросли на вчерашнем поле величайших битв, где завтра будут высится города социализма. И хочется, чтобы твой голос был далеко слышен, но обидно набивать брюхо добротной темой и только иногда блеять жалобно и уныло.

... Словом, меня не удовлетворяет мое обидное положение в нашей литературе.

Есть писатели, книги коих появляются во-время. Книги эти делают успех небывалый. Имена этих писателей сразу зазвучат громко, потом последует тишина — книги хорошие, менее значимые, но уже звучные по имени авторов.

Есть писатели, которые долго ищут и пишут вещи не звучные, не доходящие. А потом вдруг окрепнет голос и заговорит имя. Для первого времени требуется чутье, крепкое чутье, с помощью которого можно уловить социальный заказ времени. Есть такие, которые начинают сразу басом и кидают в читателей кирпичные томы. Есть писатели, которых раздувают наподобие пузырей. Эти или лопаются в неудобный для них момент или морщатся, канув в вечность живьем. Есть писатель, который выполнил вещь удачно, а потом молчок... точка. Творческие пути — разные, сложные, как сама жизнь.

*

В литературу я вступил еще до войны в Венгрии. Был молод и «чертовски воспитан». Даже странно думать, о чем бы я писал, оставаясь в той среде. Серьезные социальные проблемы были далеки. Горячо волновали меня формальные проблемы. Пришли события: война, плен, революция, гражданская война. В 1923 году, находясь в Тегеране под восточным небом, пишу повесть о Парижской коммуне. Писал я для себя, не думая об издательствах. Задумал книгу о трех интернационалах. Пришли встречи с Фурмановым, Тарасовым-Родионовым, Иллешем. Началась литературная группка — ВАПП, МАПП. Писал я преимущественно рассказы маленькие, потому что говорили, что это нужно читателю. И я верил в это. Но сегодня у меня итог: 57 рассказов, 4 повести, 2 пьесы и несколько очерков.

Но где же Залка как писательская величина?

Я человек от природы уравновешенный, спокойный и (горжусь этим) лишен омерзительного чувства писательской зависти. Меня радуют заслуженные успехи одних. Меня печалят временные провалы других. Я наслаждаюсь хорошим стилем прозаика, огорчаюсь, когда незаслуженно хотят захвалить настоящего писателя. Я заполнен тревогой, когда молодого автора до бесчувствия захваливают и раздувают при явно низких качествах произведения. Да, я не способен завидовать успехам других, и это очень важно. Меня волнует другое. Волнует то, что мои годы идут, мои книжки собираются на полках библиотек, но когда на одной из читательской конференции я задал вопрос, кто знает писателя Мате Залка, из 500 человек подняли руку 30—35. Обидный процент. Но с фактами надо считаться.

Спрашивается, какая причина? Ответ ясен: не написал вещей, которые зазвучали бы по-настоящему. Тут никто не спросит тебя, пишешь ли ты по-венгерски, переводя сам на русский язык свои вещи, утруждаешь ли товарищей русских писателей «сделать одолжение» и пересмотреть перевод. Тебя не спросят, сколько процентов твоей силы утеряно при переводе твоих вещей. Тут читают книги, как они напечатаны. Но мои книги издают, переиздают, непереиздают. Сборник рассказов «Хозяй» издан четыре раза в течение двух лет.

Есть у меня неудачные вещи, явно недоделанные, написанные наспех, непереведенные срочно. Из 57 рассказов десять можно спокойно выбросить за борт. Из 4 повестей одна — сырье, явно недоделанная вещь.

Но есть у меня одна книга, судьбой которой я огорчен и, думаю, не напрасно. Эта книга — «Повесть о вечном мире» (мой ответ Ремарку). Эту книгу потянула ко дну моя «середняцкая» репутация и эту книгу не заметили наши зоркие критики в поисках журавлей в небе. Судьба этой книги очень знаменательна для меня, и выводы, которые я сделал, очень огорчительны.

В том, что я застрял в болоте «середнячества»,—в этом отчасти виновата моя чрезмерная активность по литературно-общественной линии. У нас имеется такая привычка: раз человек не протестует, его можно без зазрения совести выбирать в тридцать комиссий и десять дополнительных органов. Могут подумать: ну, Залка теперь сводит счеты с РАПП.

Нет, товарищи, с РАПП у меня, как у бывшего рапповца, с 23 апреля сведены все счеты. РАПП была студенческой тужуркой пролетарского литературного движения. Эта тужурка стала узка в плечах и лопнула на спине. Нам выдали хорошую «заготовку» на новый костюм (оргкомитет). И все теперь зависит от того, хорошие ли мы закройщики, добросовестные ли мы портные — сошьем ли новый костюм удобным, не мешающим росту нашему (ВССП)? Но я отклонился в сторону. Хочу в нескольких штрихах обрисовать рабочий бюджет писателя-общественника.

Пишу только летом и вне Москвы. В Москве я «развиваю», как писатель, и «расцветаю», как общественник. Весной этого года я вел 14 общественных обязанностей, среди которых были такие: секретарь ЛОКАФ, член бюро РАПП, член бюро венгерской секции, член бюро интерземлячества, председатель клуба ФОСП, член партийной комиссии района, член правления МАПП, член президиума Горкома, председатель РЖСКТ и прочее и прочее.

И вот приходят ко мне из «Литгазеты»:

— Над чем работаете?

— Гм... знаете... издаю книжку... не новую... переиздаю.

С утра до позднего вечера — заседания, совещания... чего только нет. Писал я много, неотрывной[?]... переводил холодно и халатно — вышли книги средние. Сила переведенных вещей по сравнению с оригиналом упала процентов на 40. Ко всему этому надо сказать, что критики, сами равнодушные, кратким замалчивали мою книгу «Повесть о вечном мире». И от рапповской критики не получил за все годы ни одной серьезной статьи обо мне, статьи, которая дала бы мне толчок вперед. Был я всегда в руководстве РАПП одной из ломовых лошадей пролетлитературы и хоть бы раз почувствовал критический кнут или «хозяйскую» ласку. Тяжесть телеги нашей я чувствовал. Но критика в этом возу сидела на самых задах, далеко от меня.

И вот надоело мне это «середнячество». Надоели мне «актуальные» рассказы (мелкая монета, на которую я мелочно разменял себя и свои замыслы). Проанализировав, как быть? И твердо решил выбрать тематику, которая меня волнует, в которой я силен и в которой могу дать полный голос.

Задолго до постановления ЦК от 23 апреля я знал, что партия и класс ожидают от нас, писателей, прежде всего хороших, настоящих, сильных вещей. Мне помог ЛОКАФ, создавший и [illegible] на развитии проблем гражданской войны. С 1929 года я работал над первой частью задуманной двухтомной книги «Кометы возвращаются», книги о бывших военнопленных — интернациональных участниках гражданской войны в СССР — создателях венгерской, баварской коммуны, словацкой советской республики. Книгу я задумал как историческую повесть. Вышел роман в 30 печатных листов. Но не в размере дело. Я этим романом хочу выйти из «середняцкого» тупика. Хочу, чтобы роман этот читали в СССР так же широко, как широка страна. Хочу, чтоб роман читали в Европе. Хочу, чтоб весь мир знал о подвигах моих героев, любил и ненавидел их по классовому признаку.

Хочу быть писателем, которого пролетариат признает своим. А это честь не маленькая. Во мне, как видите, заговорила адская нескромность, но что поделаешь?

Предлагаю всем товарищам писателям-«середнякам» задуматься над своей судьбой и начать литературное соревнование на лучшее произведение нашей эпохи!

Держись, ребята, есть о чем поспорить! Я отчалил. Несу «Кометы возвращаются», которые должны выйти к 15-летию Красной армии.

М. ЗАЛКА

Опера «Земля встает», текст А. Гидаша

Из иностранной критики

АНДРЕ ЖИД — мастер слова

Андрэ Жида мало знают в СССР. Даже во Франции ему только недавно стали посвящать серьезные исследовательские статьи. Он был предметом самых ожесточенных споров. Против него ополчились в свое время все реакционные силы Франции — от Леона Доде и Анри Массиса, крайних реакционеров и фашистов, до Поля Судей, консервативного критика «Там», и бульварного писаки Анри Беро.

Помещая первую информационную статью французского критика Бернара Фей, «Литературная газета» намечает дать в дальнейшем более развернутую критику творчества Жида как наших советских писателей, так и современных западно-европейских критиков.

Происходя из протестантской семьи, Андрэ Жид, родившийся в 1869 году, по своему происхождению связан с Нормандией и югом Франции. В 20 лет он примыкает к символизму и встречается с Малларме, личность и идеи которого произвели на него сильное впечатление и способствуют развитию в нем способности к самосозерцанию. Эта способность остается одним из его ценнейших свойств. Его первые произведения проникнуты символизмом, звучат тем торжественным и глубоким тоном, который принадлежит ему одному. Таковы: «Дневник Андрэ Вальтера» (1891 г.), «Стихи Андрэ Вальтера» (1892 г.), «Трактат о Нарциссе» (1892 г.), «Любовная попытка» (1893 г.), «Путешествие Уриана» (1893 г.). Уже с 1895 г. его путешествия, зрелость его ума, черты и всего его существа, встреча с Уайльдом делают из него оригинального и сильного писателя. К этому периоду относятся его книги: «Земные пищи» (1897 г.), «Плохо прикованный Прометей» (1899 г.), «Король Кандавл» (1901 г.), «Имморалист» (1902 г.), «Саул» (1903 г.), «Поводы» (1903 г.), «Возвращение блудного сына» (1909 г.), «Узкая дверь» (1909 г.), «Новые поводы» (1911 г.), «Изабелла» (1911 г.). С годами он приобретает огромное влияние. «Новый французский журнал» («Нувель ревю франсез»), основанный при его сотрудничестве, делает его известным. В 1914 году он печатает свои «Ватиканские погреба», одно из самых смелых своих произведений. Его молчание во время войны является периодом сосредоточенной работы. «Пасторальная симфония» (1919 г.) и его необыкновенный «Достоевский» (1923 г.) как и различные отрывки и избранные страницы, напечатанные им в 1920—24 гг., показывают как его ум и чувства стремятся вместить и примирить в себе самые противоречивые течения.

Главное из этих произведений является одновременно попыткой и соблазном, который он избегает. Жид весь во власти своего сюжета и своих действующих лиц. Он освобождается от них, сильно претворяя их в произведения искусства. Мы не могли бы понять Жида, если бы не заметили его чудесной любви к человеку. Никто в нашу эпоху не сумел так сильно, как он, увидеть, почувствовать, понять человека. Некоторые думают согласно определенной системе силлогизмами или ораторскими приемами. А Жид, можно сказать, думает людьми, действующими лицами. Только живой и полный синтез, составляющий человека, имеет для него ценность. Вот почему он одновременно большой романист, большой критик и своего рода воспитатель, своего рода «пастор». В нем нет ни одного стремления, которое не стало бы человеком: в нем нет ни одного стремления, оставляющего его в покое, пока оно не приобретет человеческого образа, сделает ли он из него героя романа или своего ученика. Таким образом, он создает вокруг себя ряд миров, удовлетворяя свою ненасытную потребность в ощущениях. Так он от них освобождается. Он освобождается и силой воли и необходимостью больше переживать и больше создавать, потому что созданное живое существо (герой романа или ученик) отделяется от него и получает свою собственную судьбу. Поэтому не следует принимать книги Жида за последовательные исповеди, но надо их считать [illegible] или диалогами между Жидом и предложениями и фактами жизни. Отсюда — его критическое и творческое отношение к явлениям, отсюда — это поразительное разнообразие тона, чувств и вдохновений. Жид наиболее талантливый и мудрый писатель современной Франции, единственный прозаик, сумевший полностью использовать символизм, не останавливаясь [illegible]. Его музыкальный слух беспрестанно обновляется в соответствии с [illegible] задачами, к которым он его применяет.

Жид поистине изобрел новую форму фраз и образов, которых французская литература не знала до него: это усиленный трепет всего существа и всех чувств, которые он так умеет выразить, и вместе с тем обнаженность и ясная простота, создающие в его книгах полнейшую гармонию.

Ритм, которым бьется эта струна, очень точен, хотя звук продолжается в бесконечности. Проза Жида дышит и поет, как человек, находящийся во власти глубокого желания. Он сурово рассуждает, чтобы придать своему желанию больше ясности, силы и остроты. Наш XVII век пользовался аналитической психологией, в которой состояние отдыха считалось типом и мерилом, чтобы судить и измерять другие моменты психической жизни. Романтизм пользовался интуитивной психологией и избрал своим типом сентиментальную мечтательность. Но Жид, сопоставляя обе эти тенденции и изобретая новые элементы, остановился на том моменте, когда человек жадно поворачивается к предмету, которым он не обладает и который еще им не завладел.

Пока Жид ведет диалог с самим собою или с воображаемыми сильными людьми, способными извлечь из его слов новую для себя силу, я [illegible], что в его произведениях много оскорбительного не находишь. Для слабых же он опасен и жесток. Он может их погубить в изнурительных исканиях или вызвать против себя возмущение. Одним из его свойств, и может быть, наиболее крупным, является то, что его нельзя достойно оценить, если не почувствуешь в себе достаточно силы с ним бороться и его победить. При этих условиях, уважение и любовь, которых он достоин, бывают огромны.

Он еще не закончил своего творческого пути. Правда, он открыл своим современникам больше тайн и поставил перед ним больше вопросов, чем всякий другой из живущих ныне писателей. Но ему еще остается разрешить свою жизненную проблему. Развивая в себе цельное и высокомерное желание, он обязал себя найти французское разрешение. Мы бы несправедливо упрекнули его в том, что он еще не нашел выхода: по своему благородству он не сводит, как это делают другие, свое честолюбие к социальной проблеме или к финансовой операции. Но желание, как и жизнь,—в движении. Жид осуществит полностью им предпринятое в тот день, когда он найдет соглашение, в котором сольются все мудрые разнообразия его существа и которое определит раз навсегда его желания, дав им непререкаемый смысл.

И только тогда будут судить его все из нас, потому что наперекор дуракам и завистникам наше поколение связано с ним больше, чем с каким бы то ни было другим писателем.

БЕРНАР ФЕЙ

Страницы из дневника

Чем больше я приближаюсь к смерти, тем более страх перед ней исчезает. Этот страх я сильно преувеличивал, как только я чувствую, что он охватывает художника, поддающегося ему и любующегося им. Мне всегда казалось, что первое свойство человека — это уметь не бояться смерти, и очень жалко, что совсем молодые люди ее меньше страшатся, нежели те, которые должны были бы, устав от жизни, или прожив свой век, примириться со смертью.

«Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов» — нет ни одного изречения Христа, с которым так называемая христианская религия меньше бы считалась.

*

Январь 1931.

Согласимся, чтобы нас называли утопистами те, которые отказываются верить в прогресс. Всякое улучшение удела человека сперва казалось утопией этим боязливым и консервативным умам.

«Так всегда было», — говорят они и тут же заключают: «Так всегда будет». Войны всегда были, следовательно, они всегда будут и т. д...

Все связано. Эти люди, которые отрицают прогресс, не хотят в него верить для того, чтобы установить и укрепить понятие о религии, семье и отечестве, которыми они дорожат. —

Таким же образом они хотят защитить против нас традицию, которую они уподобляют капиталу, переданному им по наследству.- Ах! с каким трудом человек освобождается от прошлого! Не упразднить его, конечно, а просто освободиться от него. Только их упорство, их пеняние на прошлое способно толкнуть к насилию. Если бы только они согласились допустить, что то, что раньше благоприятствовало, может нам сегодня мешать, и что человечество может возвышаться, не отталкивая ногой ступеньку, которая прежде помогала ему подниматься. Но они как раз и не допускают, что человек подымается. И чтобы иметь возможность утверждать, что человек не меняется, не может меняться, они предпочитают допустить, что он всегда был таким, каким он есть.

*

Кювервиль

Перечел в один присест Eugénie Grandet, к которой я не возвращался с тех пор, как в восемнадцать лет я ее поглощал на чердаке в Ля Рок. Это — первый прочитанный мною Бальзак (и в то время, с каким энтузиазмом!).

Мне кажется, что он не из лучших и совсем не заслуживает той большой чести, которую ему оказывают. Письмо самое посредственное, характеры обрисованы в самых общих чертах, диалоги условные и часто подчеркнуто механически обусловлены характерами; одна лишь история спекуляций отца Грандэ мне кажется мастерски сделанной, но это, быть может, потому, что я в этом не компетентен. В общем некоторое удручение, которое порадует, может быть, Роже Мартен дю-Гара, но я повторяю себе, что у Бальзака надо восхищаться **«Человеческой комедией»**, а не тем или иным отдельным романом. Все же некоторые из них сами по себе и взятые в отдельности прекрасны. **Евгения** к числу их не принадлежит.

*

Париж, 10 апреля 1933 г.

Испания в атласных туфлях сжигает свои монастыри более жестоко, чем это делала страна Вольтера. Можно сказать, что эти эксцессы ей позволены: что в прошлом накопилось давно уже ей готовило это возмездие. И не надо уже так далеко идти. Я сомневаюсь, чтобы этот гнев был признаком настоящего освобождения. Увы! В этом нечто спазмодическое, которое может быть безответно.

Пусть те, которые возмущаются этими настроениями, скажут, каким путем мог бы цыпленок вылупиться, не пробив скорлупы яйца.

Но в особенности я хотел бы прожить достаточно долго, чтобы увидеть успех русского плана и европейские государства, принужденные преклониться перед тем, что они упорно не хотели признать. Как можно было бы достигнуть такой нормы, полной реорганизации без периода предварительной дезорганизации? Никогда я не склонялся над будущим с таким страстным любопытством. Мое сердце целиком аплодирует этому гигантскому и все же человеческому предприятию. Те, которые больше всего сомневаются в его успехе, как раз являются теми верующими, которые проявляли наибольшее презрение к сомнению, особенно когда оно затрагивало их религиозные убеждения. Они не допускают веры, столь различной от их мистической веры, настолько различной, что эта вера восстает против их веры. И перед свершившимся чудом, чудом, столь естественным и практическим (настолько, что можно это назвать чудом, лишь злоупотребляя словами), они делаются скептиками; но здесь тоже — первое условие для осуществления этого проекта, это вера в его осуществление. Отнюдь не бросая вызов уму, он его зовет, и здесь прежде всего разум должен победить.

А. ЖИД

ЗАМЕТКИ ОБ ОЧЕРКАХ

Тема этих заметок — обзор очерков, напечатанных в двух последних номерах пяти основных «толстых» журналов [1].

Форма обзора подразумевает некое обобщение, подведение итогов, выводы. Нужно сказать, что эти последние на сей раз весьма неутешительны.

Бесцветная серость, поверхностность, многословие и нытьи — таковы основные моменты, характеризующие отделы очерков всех этих журналов за последние два месяца. В двух номерах «Нового мира» отдел очерков представлен «Диспутом о критиках» И. Новикова.

«Домашний кролик все же хранит некоторые черты своего дикого предка и весьма благодарно отзывается на всякое приближение хозяйственных условий к первобытным, которые еще живут у него в крови; и напротив того, на самый, казалось бы, лучший уход отвечает порою прямыми заболеваниями».

Прежде всего этот абзац беспокоящей литературу, представляя собой великолепный образчик того, что некогда именовалось «сусловным языком». Кроме того, он содержит пример вопиющей безвкусицы, воплощенной в «первобытных условиях, ноющих в крови домашнего кролика». Затем он попросту безграмотен в части, посвященной лечению заболеваний по «прямым» и «косвенным», что, как известно, не является достижением ни в медицине, ни в грамматике.

И, наконец, он неправилен по существу, ибо обличает у автора представление о некоем абстрактном «хорошем уходе» за животными, в данном случае не соответствующем их потребностям.

Что касается очерка в целом, то он состоит из взаимного спора на тему о том, стоит ли разводить кроликов, спора, давно решенного жизнью и сделанного И. Новиковым в тонах чеховской «Печали о виде табака», в тонах бетлых впечатлений автора от тропинок прогулки по кролиководу.

Этим исчерпываются «Люди и факты» [2] «Нового мира» за апрель и май 1932 года.

---

[1] «Красная новь» №№ VI, VII; «Новый мир», №№ IV, V; «Октябрь», №№ V, VI, VII; «Звезда», №№ IV, V.

[2] Так называется в «Новом мире» отдел очерков.

«Красная новь» количественно богаче «Нового мира».

Июнь и июль представлены здесь тремя очерками.

Первый из них—«Разлив» В. Кожевникова.

Эпиграф к нему гласит:

«6 апреля» в Краматорске была пущена третья на Украине, четвертая в СССР разливочная машина, построенная целиком из наших материалов (до сих пор они были импортными)».

Ясность содержится уже здесь. Непонятно, идет ли речь о первой или о четвертой, построенной из наших материалов, машине?

А это важно, т. Кожевников! Тут точность необходима.

Тем более, что в самом очерке, имеющем целью сообщить читателю ряд технических сведений о металлургии, неясностей также немало.

«На всех домнах Союза ведутся пневматические бури для пробивки летки, но домна № 1 Краматорского металлургического завода предпочитает пользоваться Деклейдиями, испытанными на тале сводами, способом пробивки летки».

Нужно ли говорить, что представление, создающееся у читателя, будто домна предпочитает пользоваться сводами для пробивки летки, будет не совсем верно?

Нужно ли говорить, что стилистическая неряшливость, затемняющая смысл, особенно нетерпима в очерке, сообщающем читателю неизвестные ему сведения?

И нужно ли, наконец, говорить, что очерк, который состоит из плохо сделанных диалогов, ведущихся вокруг постройки машины, очерк, в котором не рассказано, как же умница, собственно, строилась, что же она, собственно, такое, — что очерк этот по меньшей мере «неполноценен»?

***

В седьмой книжке «Красной новь» напечатаны два очерка. Это—«Совхоз в пустыне» А. Смирнова и «Советский Нюрнберг» Д. Хаита. Качественно они выше очерка В. Кожевникова. В них нет стилистических промахов, читателю в них сообщается ряд небезынтересных сведений об овцеводстве и производстве кустарных игрушек. Словом, лучше и в очерках все благополучно. Но основной своей функции очерки эти все же не выполняют. «Людей в них нет. Человеческие отношения в них отсутствуют. И очерки получились сухие, протокольные, незанимательные, а главное — бестемные. Нельзя ведь считать темой очерка Смирнова—овцеводство, а очерка Хаита—кустарный промысел.

Это—не темы, а материал очерков. Задача писателя—найти в материале этом темы, выдвинутые самой жизнью, развернуть их, сделать очерк тематически направленным, целеустремленным.

Очерк же, в котором этой целеустремленности нет, как бы хорошо он ни был написан, будет всегда сухим перечнем интересного, ничем не дополняющим сведений, какие можно получить по тому же вопросу в газете или учебнике.

Пресловутая «живость описания» делу не поможет. «Красоты стали» будут обрамлять вещь, а не исходить из них. Очерка в полном смысле этого слова не получится. Улыбка ударницы и голос секретаря шахткома останутся за его пределами.

***

Сказанное можно было бы распространить и на очерки, напечатанные в «Октябре» и «Звезде». Они также протокольны, сухи и невыразительны. Но есть в них некоторые особенности, заслуживающие быть отмеченными особо. Заслуживает этого очерк Б. Горбатова.

Материал очерка — впечатления автора, совершившего горный поход к одним из истоков Кавказской армии. Материал, несомненно, интересный, но впечатления свои Горбатов «сценку» не выбирает, не отделывает.

***

«Гибель империалиста» Л. Лукьянова не заслуживала бы особого упоминания, если бы в этом очерке не было образца вопиющей технической неграмотности, к несчастью тщательно для большинства наших очерков.

В этом очерке, посвященном гибели «Жоржа Филиппара», есть такая строка:

«Лоция—книга, указывающая фауну местности того или иного порта».

Справка из Малой советской энциклопедии гласит:

«Лоциями называются систематические описания отдельных морей и побережий, заключающие в себе описания портов, путей сообщения, данные о возможном пополнении запасов и пр.» [3].

Фауна же, как известно,—животный мир и составляет предмет изучения зоологии, а не мореходства.

***

Очерк М. Юрина «День в шахте» отличается любопытной особенностью. В нем не упоминается местонахождение шахты, о которой идет речь. Читателю предоставляется возможность догадаться об этом по нескольк упоминаемым деталям и наименованиям.

Автору этих заметок разрешить загадку т. Юрина не удалось. Может быть другие читатели окажутся более догадливыми. Но т. Юрину следует в будущем избавить читателя от этой непринудительной траты времени.

***

Очерк Г. Кукынова в IV книжке «Звезды» принадлежит к категории тех литературных произведений, на которые читатель обычно реагирует поверхностным пониманием плеч. Путаная, мутурная его замысловатость невыносима. Ни одного отчетливого лица, ни одного останавливающего внимание эпизода.

***

Очерк не вызывает в том, что его плохо пишут. Он дает своим авторам большие возможности. И не его вина, что авторы не имеют возможности это использовать.

Но очерк жизнеспособен. И не умея защищаться, он попросту ушел из отведенных ему уголков. И перекочевал в другие отделы толстых журналов и стал называться то романом, то повестью, то рассказом.

В естествознании это называется мимикрией. В уже цитированной Малой советской энциклопедии статья о мимикрии кончается так:

«Вилов мимикрии довольно много, но не всегда мы можем видеть пользу, извлекаемую данным животным из нее для себя».

Вопрос о том, какую пользу для себя извлек из мимикрии очерк — вопрос особый. И писать об этом следует специальную статью.

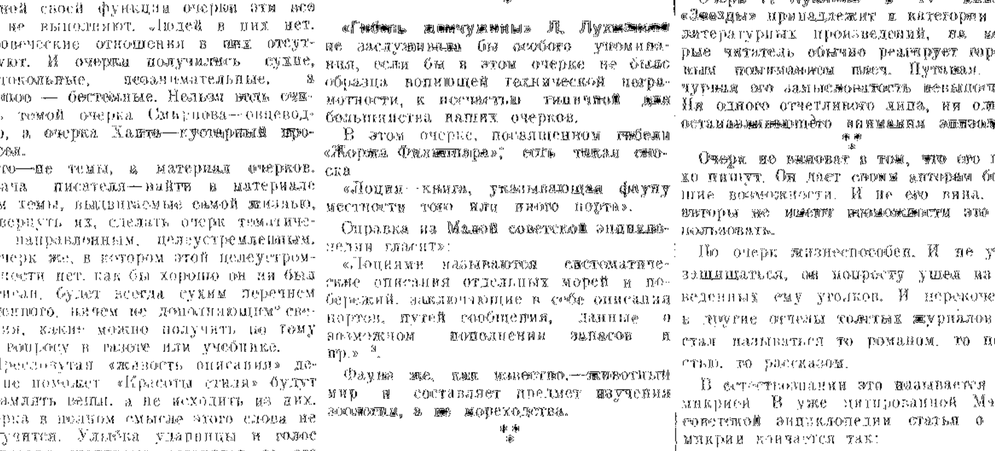
Г. ПЛАТОНОВ

---

[3] МСЭ, т. IV, стр. 734.

„Егор Булычев и другие"

Рис. А. Костолодского



НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ЛЕНГОРДРАМЫ (б. Александринский): Егор Булычев — арт. Монахов, Достигаев — арт. Скоробогатов, поп Павлин — арт. Богдановский, Мелания — арт. Дефорж.

НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ВАХТАНГОВА: Егор Булычев — арт. Щукин, Достигаев — арт. Басов, Достигаева — арт. Макарова, Звонцов — арт. Русланов

О „Егоре Булычеве" в Комакадемии

Институт ЛИЯ Комакадемии совместно с Всероскомдрамом, работниками театра им. Вахтангова и журналом «Советский театр» организовал 30 сентября в большом зале Комакадемии широкое обсуждение пьесы А. М. Горького «ЕГОР БУЛЫЧЕВ И ДРУГИЕ» в постановке театра им. Вахтангова.

С докладом выступил С. С. ДИНАМОВ.

Б. Е. ЗАХАВА рассказал о том, как театр им. Вахтангова работал над пьесой Горького.

Выступившие в прениях тт. ПОДОЛЬСКИЙ, ВС. ВИШНЕВСКИЙ, НОВИЦКИЙ, А. ГЛЕБОВ указали, что появление пьесы Горького вносит новое в современную советскую драматургию. Это первая пьеса, говорящая полным голосом. Театр Вахтангова одержал крупнейшую творческую победу этой постановкой.

Продолжение диспута в Комакадемии состоится в ближайшие дни. Подробный отчет о диспуте будет дан в одном из следующих номеров «Литгазеты».

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

КАК ИСКАЖАЛСЯ ТОЛСТОЙ

Когда Толстой отдал в 9-й книжке «Современника» за 1852 год первое свое печатное произведение «Детство», он написал редактору журнала Некрасову очень резкое письмо, упрекая редакцию за ряд тех произвольных изменений и искажений, которые он нашел в повести. «Прочитав с самым грустным чувством эту жалкую изуродованную повесть, я старался открыть причины, побудившие редакцию так безжалостно поступить с ней. Или редакция положила задачею как можно хуже изуродовать этот роман или бесконтрольно поручила корректуру его совершенно безграмотному сотруднику». Это письмо не было отправлено по назначению, а вскоре его было написано и отослано другое, значительно более сдержанное по тону, но все же решительно заявившее неудовольствие по поводу допущенных искажений и требование ничего не изменять в будущих вещах, принятых для напечатания в «Современнике».

Так реагировал Толстой на первое же непрошеное вмешательство в его литературное хозяйство. И это—несмотря на то, что вмешательство это относительно не так уж было велико: оно сводилось к двум цензурным заменам, неумелое заглавие («История моего детства» вместо «Детство») и нескольким словарным искажениям. Все это суетные пустяки по сравнению с той цензурной расправой которой подверглся в том же «Современнике» через три года очерк «Севастополь в мае 1855 года». Посылая его в журнал, Толстой высказал опасение, что он может оказаться непроходным. Однако после значительного обезображения очерк цензурой все же был пропущен. Но когда книжка журнала была уже отпечатана, цензор неожиданно потребовал ее из типографии и представил на рассмотрение председателя цензурного комитета Мусина-Пушкина, положившего следующую резолюцию: «Эту статью за насмешки над нашими храбрыми офицерами, храбрыми защитниками Севастополя, запретить».

Мусин-Пушкин потом передумал. До неузнаваемости искалив рассказ и изуродовав авторский замысел, он не только разрешил его печатать, но и потребовал этого вопреки намерению редактора «Современника» Панаева, решившего совсем отказаться от печатания цензорского варианта толстовского очерка. Требованию цензора пришлось подчиниться, и рассказ был напечатан (анонимно) в журнале под заглавием «Ночь весной 1855 года в Севастополе».

К счастью, через год вышло отдельным изданием «Военные рассказы» Толстого, где напечатан был и очерк «Севастополь в мае» уже без цензурных искажений. Не так скоро цензурные искажения были устранены в таких ранее напечатанных вещах, как «Отрочество», «Набег», о которых Толстой писал брату Сергею Николаевичу, что рассказ «прошел от цензуры, все, что было хорошего, все выкинуто или изуродовано», как «Записки маркера», относительно которых в письме к Некрасову Толстой говорил, что он дорожит ими больше, чем «Детством» и «Набегом», и потому требует оставить их в том виде, как они есть. Неискаженные тексты этих произведений, как и многих других, впервые появились—или они появятся в печати, строго говоря, лишь в наши дни.

Впоследствии, когда сильно искажавшиеся в России или вовсе не пропускавшиеся цензурой сочинения Толстого могли беспрепятственно печататься за границей (преимущественно в Англии, в издательстве В. Г. Черткова), Толстой уже значительно спокойнее относился к цензурным урезкам и искажениям. Так, когда в 1883 г. в «Русском богатстве» появилась изуродованная цензурой статья из трактата «Так что же нам делать?», очень остро и с большим обличительным пафосом разрешавшего проблему социального и материального неравенства, Толстой писал Черткову: «Вирюков рассказывал мне об участи отрывка из «Русского богатства». Мне неприятно кастрирование, но если нужно, то мне очень радостно отдать его именно в этом уродливом виде». Отлично понимая, что цензура не пропустит «Воскресения» в том виде, как оно было написано, Толстой сам предоставил право редакции «Нивы», где произведение печатается, делать необходимые цензурные купюры.

Впрочем, несмотря на то, что произведения Толстого, не пропускавшиеся цензурой в России или пропускавшиеся с изъятиями и искажениями, печатались за границей, в условиях, формально исключавших цензурное вмешательство, однако, в силу различных существовавших обстоятельств и заграничные публикации толстовских текстов не всегда оказывались безупречными.

Так было с «Воскресением», печатавшимся в России в «Ниве» с большими цензурными искажениями и — как кажется было думать по тем пор — без таких искажений в Англии в издательстве Черткова «Свободное слово».

Пересечения в двух заграничных границах текста «Воскресения», до сих пор не виденные света, достигают иногда размера около печатной страницы. Таково, например, разглагольствование Нехлюдова в XXXIV главе первой части о строгом наказании в связи с судом над мальчиком, укравшим поленья. Цензурные выкидки, делавшиеся почти всегда механически путем устранения отдельных строк и целых абзацев, которой подвергли в тому, что в кастрированном тексте искажается смысл.

Цензура изуродовала текст романа в «Ниве», как известно, очень основательно: исключались целые главы или отдельные значительные по размерам части их, пропускались часто крупные абзацы и отдельные фразы, одни слова заменялись другими. Цензурой исключалось не только все то, что прямо задевало простую русской правительственной системы и церкви, но даже то, что этот престиж колебало или подрывало хотя бы косвенно и отдаленно. Так как «Нива» была предназначена для «семейного чтения» то из нее изгонялось беспощадно все то, что, по мнению цензора и редакции, противоречило этой задаче журнала. Из текста романа были удалены такие слова, как «распутство», «проституция», «дом терпимости», «прелюбодеяние», «половая жизнь», а слово «соблазнил» всюду было заменено словами «увлек» или «обманул».

Но цензурное вмешательство было не единственной причиной искажения толстовских текстов: искажения вкрадывались нередко и в процессе их многократного переписки. Толстовские тексты, далеко не всегда разборчивые. Большей частью они инспирированы многочисленными поправками между строк и на полях, слова часто не дописаны, отдельные буквы иногда пропускаются. Уже по одному этому естественны были ошибки в копиях этих многостраничных, прилежащих к почерку Толстого переписчиков. Тем естественнее они у переписчиков случайных или недостаточно свыкшихся с рукой Толстого или, наконец, недостаточно внимательных и упорных в расшифровании трудных написаний авторских. Если принять в расчет, что Толстой в большей степени, чем другие авторы, был почитателем и ошибок переписчиков и наборщиков и сидеть и рядом по нескольку раз сколько по ним глазом, не замечая их, то станет ясным, почему эти ошибки не только остались, но и удерживались в печатных текстах, которые, кстати сказать, при перепечатке почти никогда не исправлялись Толстым.

В результате—то все публикации текста «Крейцеровой сонаты», например, вкралось более двухсот искажений! Они частично были устранены впервые лишь после смерти Толстого и полнее в 1911 года. Нужно при этом сказать, что в целях «благопристойности» и цензурного обезвреживания текста многие «вызывающие» толстовские выражения были смягчены или заменены сознательно его женой Софьей Андреевной и постановлены ею в подлинном виде лишь в посмертном издании 1911 года.

В некоторых случаях искажения текста сделаны С. А. Толстой, очевидно, по мотивам субъективного свойства. Так, еще в одной из ранних копий Софией Андреевной не переписано следующее место напечатанное Толстым и соответствующее тексту VI главы: «И не знал тогда исправления Лескина который говорит, что суждение каждого мужа о своей жене такое была одна сокровенная женщина в мире, и она-то и моя жена». В главе XI, говоря о разочаровании в том, что называет «медовым месяцем», и сравнивая это разочарование с отвращением к курению человека, лишь начинающего курить, Толстой пишет: «Наслаждение от курения так же как и от этого, если будет, то будет потом надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок». Последнее предложение Софья Андреевна исправляет так: «Надо, чтоб супруг воспитал в себе этот порок». В главе XVI, говоря о боевых детей от неправильного ухода, Толстой пишет: «И оказывается, что виновата она, сделала не то, что надо делать». Софья Андреевна исправляет: «Виновата мы, сделали не то». В главе XIX, говоря о жене Нехлюдова, Толстой пишет «Она вышла замуж, получила кое-что из этой добычи но не только не то, что обещалось, что ожидалось, но и много мелочных, страданий и тут же неожиданную муку—детей». Перед словами «детей» Софья Андреевна добавляет слово «столько», очевидно думая о себе и о своих многочисленных родах. В нескольких случаях Софья Андреевна, видимо, также сознательно сделала некоторые исправления толстовского слога с целью «улучшить» его.

Но такое самовольное распоряжение текстом Толстого у Софьи Андреевны не было по правилом, а исключением. Чаще, видимо о своем неудовольствии по поводу тех или иных частностей в рукописях мужа она доводила до его сведения. Так, перечитывая одно место в «Так что же нам делать?», где говорится о сборах семьи Толстого на бал, о бесполезности их попыток изучить своим домашним свой новый вальс, как на бессмысленное дело, о том, наконец, что Толстой при таких сборах уходил из дому, чтобы не видеть домашних за различных сценах, Софья Андреевна на полях против него написала: «К делу не идет, вызвала злобу и самооправдание, самохвальство. Можно бы публично не браниться». В результате Толстой зачеркивает «все домашние ехали на бал» и вместо того пишет: «В Москве был бал», зачеркивает и все продолжение абзаца, начинающееся его не заменяя.

Наконец, еще один источник искажений толстовского текста—помощь или непрошеное вмешательство редакторов различных произведений Толстого. Толстой сам чувствовал, что его язык часто не в ладу с русской грамматикой, и потому обращался к тем, кто он считал сильнее себя в этом отношении, за помощью в грамматическом приглаживании своего текста. Помощниками в этом деле у Толстого были П. И. Бартенев, Н. Н. Страхов, В. Я. Грот, В. Г. Черетков, А. Г. Русанов и др. Все это были лица, уполномоченные Толстым исправлять его грамматические погрешности, и худо ли, хорошо ли они выполняли данное им поручение, они распоряжались текстами Толстого с его согласия и в большинстве случаев предварительно доводя до сведения автора о сделанных ими изменениях. Задача редактора произведений Толстого, почерпнутая посторонней правке хотя бы и очень авторитетных лиц, критическая разобраться в том, что этими лицами было исправлено с ведома Толстого и что помимо него и в тех случаях, где авторитет розмещенным, не санкционированные актами Толстым исправления дегитимировать.

Но были и такие редакторы, которые брались за грамматическую и стилистическую правку текста Толстого, не имея от него на это никаких полномочий. Одним из таких особенно отталкивающих редакторов, без всякого стеснения «улучшавших» и «подчищавших» язык и стиль Толстого, был редактор «Нивы» Сементковский, имевший в текст печатавшихся там «Воскресения» более тысячи исправлений! Сементковский не ограничился данным ему правом приспособить толстовский текст к требованиям цензуры и пошел значительно дальше, причесав все «Воскресение» под гребенку условно правильного общепринятого литературного языка, как понимал этот язык редактор и критик «Нивы», или даже просто сообразно своему вкусу. Редактор, как бы то ни было одаренный вдохновением, безудержно черкал Толстого с большой придирчивостью и большим нежанием, чем это способен был делать гимназический учитель в отношении школьных сочинений И Сементковский, нужно думать, был не одинок в своих приемах редактирования толстовского текста. Вычеркивать у других Сементковским трудно поддается учету потому, что не всегда сохранились авторские рукописи и корректуры произведений Толстого, знакомство с которыми дает возможность судить о степени этого вмешательства.

Таковы наиболее характерные и показательные образчики искажений толстовского текста. Цензура тут постаралась больше всего, но немало повинны в этом деле и переписчики и редакторы. Максимально достижимое освобождение литературного наследия Толстого от всякого рода искажений и посторонних наслоений стало возможным лишь в процессе той критической работы, которая ведется сейчас в связи с осмысленным полного юбилейного издания его сочинений.

Н. ГУДЗИЙ

учиться у большевика-критика

О книге М. С. Ольминского „По литературным вопросам"

У нас до сих пор мало, поразительно мало изучают нашу историю, историю пролетарской литературы и большевистской литературной критики. Нелегко говорить, насколько важно воспитание новых кадров литературы на исторических образцах борьбы за литературу рабочего класса, за марксистско-ленинскую литературную теорию. Но в области исследования нашей истории еще почти ничего не сделано [1].

Всю историю литературной борьбы большевизма с буржуазно-индивидуалистической религией в искусстве, с оппортунизмом II Интернационала надо «делать достоянием широких литературных масс, — этого настойчиво требуют задачи современной борьбы на литературных фронте. Поэтому в приобретает огромное значение только что вышедшая книга одного из старейших большевиков-ленинцев Михаила Степановича Ольминского «По литературным вопросам» [2].

Это в полном и широком смысле слова книга литературной борьбы, книга воинствующей большевистской партийности на литературном участке классовой борьбы.

Известно, как высоко ценил В. И. Ленин литературную деятельность М. С. Ольминского, одного из самых близких ему товарищей; в частности именно статья т. Ольминского «Культурное лицо и нечистая совесть», напечатанная 26 лет назад в «Правде» послужила Ленину поводом для поставления важнейшей проблемы литературного наследства — литературы «старой» народнической демократии. Эта статья тогда же получила горячее одобрение Ленина как замечательно удачная, происходило и справедливо богатая написанная.

Статья т. Ольминского о литературе помогает нам понять многое во истории большевистской литературной критики, она не устаревшее, не заплесневшее.

Три основных, важнейших, центральных проблемы ставит и решает М. С. Ольминский в своих статьях, в подавляющем большинстве написанных до революции 1917 года. Это проблемы отношения искусства к действительности — эстетика — к жизни, борьбы за пролетарскую идеологию и литературу против упадочно-буржуазного искусства и — проблемы литературного наследства прошлого. Не трудно видеть что это — коренные вопросы литературы. В их решении, с точки зрения пролетарского большевизма, статьи М. С. Ольминского бесспорно занимают одно из важнейших мест. Все эти основополагающие для данной сферы литературы вопросы т. Ольминский всегда за Ленином видел под углом зрения интересов классовой борьбы пролетариата и его партии. И поэтому сохранившие в своей основе свое значение для нашей эпохи пролетариат является действительным носителем подлинного интереса к искусству. Это глубоко принципиальное противопоставление становится особенно содержательным и актуальным сейчас на фоне роста и расцвета искусства у нас—в стране строящегося социализма — и начавшихся разброда в области искусства на Западе, в капиталистических странах.

«Творческая работа в области искусства, неразрывно связана с подъемом во всех других общественных сферах». — говорит Ольминский. И, с другой стороны, в ту эпоху, в эпоху реакции, преложение эстетики «учителя, большевистской, пассивности» М. С. Ольминский считал одним из условий «общественного возрождения». Очень обтасть искусства в зависимости от «других общественных сфер» (экономика, политика, государство, право, мораль и т. д.), классово-большевик относит искусству роль серьезнейшего фактора в общественной жизни. Каждый факт литературной жизни М. С. Ольминский рассматривает с точки зрения борьбы классов в обществе. Так, по поводу полученного в 1913 году Нобелевской буржуазной, либеральной и реакционной печатью похвалы против Горького которого М. С. Ольминский тогда же безоговорочно квалифицировал как пролетарского писателя), М. С. пишет в связи с «Бесами» Достоевского: «На вопросе о Достоевском столкнулись два мира. Пролетарский мир в лице М. Горького выступил против сочинения с реакцией, против антисемитизма, против неблагородства человеческой души. — и против него другой мир, готовый обниматься и с реакцией и с антисемитизмом»... «Работяге, — заключает М. С., — должны учиться понимать то плачево небывалые явления, которые обычно кроются под пышными фразами о свободе искусства и о чистом искусстве». В статье т. Ольминского блестяще учат нашему пониманию. Высшей похвалой служит у критика большевика слова о том, что «Бесами» не его никто никогда не заставил обратиться к служению чистому искусству». «Искусство частью искусства обычно является лишь прикрытием тех рыцарей монополии, религии и предательства».

Во всей системе общественных своих критик большевик относит искусству, литературе с точки зрения Ольминского занимает одно место — среди классовой стихийной и обычной борьбы пролетариата и его партийного авангарда. Эта задача решает лишь Художественная литература — одно из сильнейших орудий воспитания людей, воспитания борцов за идеалы рабочего класса, потому с такой страстностью революционера М. С. Ольминский разоблачает, разит одних, воспитывает других. И Ольминский с большим внутренним волнением расчленяет о себе, об изменении им самим уровня влияния произведений художественной литературы.

Ольминский учит. Учит революционному отношению к культурному наследству прошлого. И здесь т. Ольминскому чужда позиция беспристрастного исследователя, и здесь он выступает в единственно возможной для него роли борца. В своем знаменательном выступлении на первом всероссийском совещании пролетарских писателей (в 1925 году) [3] М. С. Ольминский говорил: «Я думаю, что можно применить за наших предшественников литературу того времени, когда мелкая буржуазия... прокладывала путь к своему выходу... Тогда эта интеллигенция была чрезвычайно революционна по своей мысли, и многие из тогдашних писателей — в первую очередь я бы назвал Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского, — хотя и не были пролетарскими писателями, но в своей критике буржуазного строя шли далеко и отнюдь не отставали в этом отношении с нашей точки зрения».

...Я бы призвал пролетарских писателей к тому, чтобы изучать литературу того периода, когда буржуазия боролась против крепостного права, но ни в коем случае не сливаться с литературой упадка».

Эти исчерпывающие т. Ольминского по сути дела — обобщение, итог, вывод ряда его статей по русскому литературному наследству». Посвященные творчеству великих писателей революционной пролетарской демократии — Салтыкову-Щедрину, Глебу Успенскому, Некрасову, они учат сегодня прямым приложением к печатающемуся большому вниманию к их творчеству, тем это было то сих пор.

Статьи старейшего критика-большевика будут учить молодых пролетарских писателей, любить и ненавидеть, уважать и изучать творчество таких бойцов против эксплоатации и насилия, как Некрасов и Салтыков-Щедрин. Читайте воспоминания лучших большевиков — вы увидите, какое значительное влияние оказали на них великие поэты и писатели революционной разночинной интеллигенции, вы научитесь видеть в литературе не только Льва Толстого, но и Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского!

Статьи М. С. Ольминского учат. Учат бороться за классовую литературу пролетариата. Тов. Ольминский со всей своей силой обрушивается на всякого, повторяющего буржуазные пошлости о чуждости искусства пролетариату «Рост русской революции, — пишет он, — всколыхнувший до дна все слои населения, собрал множество своеобразных типов и колоссаль — неисчерпаемый источник для художника-психолога и для бытописателя. Он призывает пролетарских писателей создать в литературе образы-типы профессиональных революционеров, которые будут служить для новых и новых поколений рабочего класса примером, образцом жизни, жизни — служения социалистической революции, жизни, полной глубочайшего внутреннего содержания.

Ольминский учит. Учит с величайшим уважением, уважением, серьезностью относиться к творческому труду писателя. Поучите в сборнике статьи Ольминского «Как я стал литератором», и откуют они более отчетливую ненависть, разгорятся, самодовольство, нетерпимость, все то, что составляет сущность отношения к писательскому труду у некоторых современных «пописателей» литературных.

Ольминский учит большевистской партийности борца на фронте литературы.

Он учит сочетать от лтность партийного борца со строгой научностью исследователя, учит уничтожающей непримиримости ко всему упадочному мужому, врагом» учит отстаивать интересы пролетариата и его партийного авангарда на высотах искусств и литературы.

Статья т. Ольминского не только история, которая учит, но и борющаяся современность.

К. ЮНИЧ

---

[1] Здесь до сих пор «учеба» работы признанного профессора В. Львова-Рогачевского да И. С. Кона; здесь скромно В. П. Полянского... раскапывают о литературном движении революционной эпохи; здесь безрезультатно путает жуткая «Пост. пролетариата» Вал. Таронова как поэта, напрасно пытаясь (в 1930 году) доказать (!) веру в победу пролетариата. Или вот недавно И. Бухарин утверждать, что наша пролетарская поэзия ведет свое историческое начало от «Рабочей мысли», этого убогого органа экономистов буржуазного влияния на пролетариат, органа «экономистов», этой жалкой бесписьменности. А сколько где-то Фриче и Ко Н. Крыленко, вспомните это небезызвестные «указания о пролетарской литературе Горького! Или вот совсем недавно на страницах «На литературном посту» А. Селивановский пытается доказать, как критический этюд на «Записках» и «Детстве» Горького может служить для молодых пролетарских писателей «школой мастерства» (см. «На литературном посту» № 2 за 1932 г. стр. 40). Примеры эти можно продолжать и продолжать. Можно и прочитать РАПП. Можно редактуру «На литературном посту», большая часть участников которой несет ответственность и за эти ошибки.

[2] ГИХЛ. 1932 г. со вступ. статьей Д. И. Лебединского.

[3] Нельзя не выразить удивления по поводу того, что эта речь т. Ольминского, исключительно важная своей принципиально-политической позицией в современности, не включена составителями в сборник.

Иллюстрации к докладу

От нашего ленинградского корреспондента

На торжественном заседании в Академии наук, где ученые страны Советов чествовали великого художника пролетариата, проф. Белухатый привел интереснейшие цифры сорокалетия Горького-писателя. За сорок лет Горьким написано свыше 1000 произведений. Только 236 из них — одна пятая из написанного — вошли в собрание сочинений Алексея Максимовича (многое — не разыскано). 300 художественных произведений, 15 пьес, свыше 600 публицистических произведений, 60 статей о литературе, свыше 100 писем огромного общественно-политического значения, десятки предисловий, редактура 30 многотомных изданий журналов, газет — такова замечательная статистика творческого пути М. Горького — писателя, борца, организатора.

Этот сорокалетний путь вычерчен в юбилейные дни на страницах сотен газет, журналов, сборников, с трибун торжественных собраний политическими деятелями, писателями, учеными, рабочими-производственниками... И иллюстрации к замечательным фактам, поражающим цифрам остеклены сейчас в музейных витринах выставки, открывшейся в Академии наук СССР.

Здесь, в одной из зал Академии, тридцать лет назад «согласно существующих правил» был избран в «почетные академики по разряду изящной словесности» Алексей Максимович Пешков — об этом сообщает хранящаяся под стеклом вырезка из «Правительственного вестника». На вырезке собственноручно начертанная резолюция Николая II: «Более чем оригинально». И рядом, в той же витрине, — недавно найденное подлинное письмо Николая II министру народного просвещения Ванновскому об отмене выборов Горького «по моему повелению», не подписанный диплом на звание почетного академика, переписка с таврическим губернатором... И дальше — на щите — заявления Короленко и Чехова о выходе из числа академиков в связи с горьковским делом, отклики современной прессы... «Академическим инцидентом» открывается первый отдел выставки Горького в Академии наук. В этом же отделе приведены документы, характеризующие отношение М. Горького к Академии после февраля и октября 1917 года.

Второй отдел выставки посвящен работе Горького над своими произведениями. Рукописи, корректуры, исчерченные карандашом великого мастера, отшлифовывающего каждую фразу, каждое слово. Вот старое издание «Матери», в котором красными чернилами корректорской правки «ликвидированы» все «яти» и «твердые знаки»... вот черновые листы «Весенней мелодии», из которой родилась «Песня о буревестнике».

Горький — литературный водитель советских писателей, литературное учительство Горького, творческая помощь выдающимся представителям современной литературы и начинающим авторам показаны в следующем отделе — «Горький и писатели». В этом же отделе экспонируются подлинные письма М. Горького к Глебу Успенскому, Н. Михайловскому, Л. Андрееву, письма к Горькому В. Короленко, В. Брюсова, Б. Шоу и др.

Горький — ответственный редактор «Наших достижений», «За рубежом», «СССР на стройке», «Литературной учебы», инициатор и руководитель «Истории гражданской войны», «Истории заводов», «Библиотеки поэта»... Наряду с номерами наших журналов, материалами о мировых начинаниях Горького — старые книжки «Знания», номера дореволюционных социалистических газет и журналов, размещенные в хронологическом порядке, — вехи за сорокалетием пути Горького, организатора революционной литературы.

Большое место на выставке занимает показ классовой борьбы вокруг оценки творчества Горького. С одной стороны, представлены злобно клевещущие на пролетарского писателя буржуазные реакционеры, смыкающиеся в своей клевете на Горького с меньшевистскими литературоведами, с другой стороны — критические работы Луначарского, Фриче, Воровского, подчеркивающие пролетарскую сущность творчества Горького — великого художника мирового пролетариата, произведения которого переведены на немецкий, французский, английский, испанский, итальянский, датский, голландский, китайский, японский, еврейский, турецкий, грузинский, армянский, чешский, [illegible] и др. языки Запада и Востока.

ИС.

На ударном участке

Новые книги—в срок

Роман Л. Леонова «Скутаревский». Получены гранки своевременно. Сданы корректору. От корректора должны поступить 7 октября. 9-го должны быть отправлены в верстку. Выход — в конце октября.

Роман П. Павленко «Баррикады». В наборе в 16-й типографии. Гранки должны поступить 10 октября. 15-го должны быть отправлены в верстку. Выход — в середине ноября.

Роман Арт. Веселого «Россия, кровью умытая». Заканчивается сдача в печать. Сроки соблюдены. Выход — начало ноября.

Роман В. Катаева «Время, вперед». В наборе в 16-й типографии. Гранки должны быть сданы 20-го в издательство и 25-го отправлены в верстку. Выход — вторая половина ноября.

В ГИХЛ отставание

«Поэты и писатели — великому Октябрю».

1 октября сборник получен из набора (типография «Красный пролетарий») с опозданием на 20 дней.

15 сентября типография должна была вернуть из набора вторую часть сборника.

2 октября. Все сроки давно прошли. ГИХЛ еще не получил гранок сборника.

Создается угроза своевременного выхода сборника «Писатели и поэты — Великому Октябрю» к юбилею. Задержка за наборным цехом и производственным отделом «Красного пролетария», руководимого т. ШОРФЕРОМ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ Сегодня

■ В. Перцова закончила новый современный роман «Сестры» (18 печатных листов), который сдает в издание ГИХЛ.

К 15-летию Октябрьской революции критико-библиографический институт ОГИЗ выпускает «Рекомендательный список художественной литературы» (32 печатных листа), который охватит свыше трех тысяч названий.

■ В МТП развертывается работа с начинающими писателями. В круг этой работы в первую очередь вовлечены молодые авторы центрального кружка ВОЦКИ, альманах которых готовится к изданию. Такую же работу издательство МТП ведет с литературной молодежью из бывших красногвардейцев и красных партизан. 1-й номер их альманаха «Боевые годы» уже сдан в производство.

Часть поступающих рукописей [illegible] зачитывать и обсуждать на открытых вечерах с обязательным присутствием автора, представителей издательства и группы писателей.

■ Постановлением Калмыцкого областного комитета партии создан оргкомитет союза советских писателей. Сейчас оргкомитет ведет просветительную работу к съезду писателей и разрабатывает творческие вопросы, которые будут поставлены на обсуждение на съезде. ЛЕДЖИНОВ.

■ Научно-исследовательский институт детской литературы и детского чтения подготовляет выставку «ГОРЬКИЙ И ДЕТИ». Выставка покажет все написанное А. М. Горьким для детей и о детях, журналы для детей, выходившие под редакцией и по инициативе Горького, сочинения писателя, вышедшие в специальных детских изданиях на русском и национальных языках. Институт уже составил докладную записку Наркомпросу, записку, в которой дается оценка критико-библиографической литературы о Горьком. Составлен так же проект плана сочинений Горького для детей.

■ Всеукраинская комиссия по изданию «Истории фабрик и заводов» выделила 22 объекта, в число которых вошел и Сталинский металлургический завод. На заводе уже создана редколлегия. Работа над сбором материалов началась в августе. Рассчитана она на несколько месяцев, так как уже в начале 1933 года «История» должна быть сдана всеукраинской редакции для издания. СИМХОВИЧ.

Произведения М. Горького на чувашском языке

Произведения М. Горького на чувашском языке начали издаваться еще в 1927 году, когда издательство Чувашии окончательно оформилось и окрепло. Уже издан ряд вещей писателя: «Детство», «Челкаш», «Дед Архип и Ленька», «Песнь о Соколе», «Буревестник», «Двадцать шесть и одна».

В начале 1932 года Чувашгиз выпустил книжку Горького о В. И. Ленине.

К юбилейным дням Чувашгиз издает на чувашском языке «Мои университеты» и роман «Мать». Эти книги уже в ближайшие дни выйдут из печати. Для ознакомления чувашского читателя с жизнью М. Горького Чувашгиз выпустил книжку Л. Юрьева «Вестник бури».

ЛЕОНИД АГАКОВ

Вынужденное напоминание

Писательская общественность дружно откликнулась на призыв партии и правительства, подписавшись на заем более чем на 150 проц. плана. Но одно дело подписаться, а другое — выполнить взятое на себя обязательство. По условиям займа горком писателей должен ежемесячно (начиная с августа) вносить государству 16 тысяч рублей. [illegible] это задание выполнено только наполовину.

Конечно, с писательской среды нельзя подходить с общей мерой реализации займа, поскольку горком писателей не является учреждением, выплачивающим средства своим членам. Но это обстоятельство ни в какой мере не оправдывает медлительности писателя. В длинном списке неаккуратных плательщиков имеются очень много таких имен, которые в состоянии делать регулярные отчисления, но которые все же не делают этого.

Н. Р.

из ИНОСТРАННОЙ ПОЭЗИИ

Блез Сандрар

Башня Эйфеля

Кастелламаре.
Я ел апельсины в тени апельсинового дерева,
Как вдруг...
То было не извержение Везувия.
Не туча саранчи, одна из десяти казней египетских,
Не Помпея,
Не воскресшие крики гигантских мастодонтов,
Не возвещенная Труба,
Не лягушка Пьера Бриссе, ...
Как вдруг...
Вспышки.
Схватки.
Отсвечивание.
Искры шести действующих [illegible],
Мой Пол!
О, Эйфелева Башня!

Я не обул тебя в золото
Не заставил тебя плясать на хрустальных плитах.
Не предал Пифону, как девственницу Карфагена.

Не облачил тебя в тунику Греции.
Не позволил тебе бродить за оградой [illegible],
Не назвал тебя [illegible] Давида или Креста Христова,

О, Эйфелева Башня!
Гигантский фейерверк Всемирной Выставки!

У Ганга, в Бенаресе,
Среди волчков — онанистов индусских храмов
И разноцветных возгласов [illegible] Востока,
Ты склонилась, любимая Пальма!
Это ты, в баснословные времена еврейского народа,
Смешала языки людей.
О, Вавилон!
И, через несколько тысяч лет, это ты
Рухнула огненными языками
На апостолов, собравшихся в твоей церкви.

В открытом море, ты — мачта,
А на Северном Полюсе,
Ты сверкаешь
Всем великолепием северного сияния своего беспроволочного телеграфа.
Лианы заплетаются в эвкалипты,
И ты плывешь, старый ствол, по Миссисипи.

В Европе, ты — виселица.
(Я хотел бы стать башней, висеть на Эйфелевой Башне!
И когда солнце закатывается за тебя вдалеке,—
Голова Бонно катится под гильотину.
В сердце Африки, это ты
Бежишь, страус, жираф, боа, кугуар,
В Австралии, ты всегда была табу.
Ты — стрела,
По ней плачется Кук
Направляя корабль искателей приключений!
Гонг, там-там, [illegible],
луча X. экспресс, [illegible],
Ты — все
Древний бог, новый зверь,
Круговорот, башня в движении,
Кругосветное путешествие, башня мира!

Перевел с французского ВАЛЕНТИН ПАРНАХ

Самолет-агитатор „Максим Горький“

Сбор средств на постройку самолета-гиганта «Максим Горький» развертывается.

На 3 октября по СССР собрано на самолет свыше 700.000 рублей.

Слабо участвуют в сборе средств писатели.

С большим успехом проходит кампания на предприятиях Ленинграда. За несколько дней собрано свыше 100.000 рублей. Завод «Красный треугольник» собрал 13.000 рублей, завод «Электросила» — 10.000 рублей.

*

Сегодня в 18 часов, в помещении московского аэропорта гражданского воздушного флота (Ленинградское шоссе) состоится первое организационное собрание Комитета по постройке агитационного многомоторного самолета «Максим Горький».

Ответственный редактор С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны: Секретариат 1-30-63. Отв. редактор 2-80-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА: Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—6 р. — к.
На 6 м.—3 р. — к.
На 3 м. 1 р. 50 к.

Рукописи не возвращаются.

К ОКТЯБРЮ

■ Госиздат КрымАССР к пятнадцатой годовщине Октября выпускает серию лучших художественных произведений татарских писателей. В серию входят том избранных произведений виднейшего крымского поэта Шамиля Шемьи-Заде, книга новелл поэта Алтаны и десять других отдельных книг советских писателей Крыма. Вне этой серии массовым изданием выходит из печати поэма Шемьи-Заде «Днепрострой»; сборник массовых песен в музыкальной обработке молодого татарского композитора Шерфединова и два литературно-художественных альманаха (на татарском и русском языках).

М. Ч.

■ Государственное издательство Белоруссии выпускает к 15-летию Октября большой иллюстрированный альбом «Беларусь советская», в который войдет свыше 300 лучших фотоснимков и рисунков различных художников.

■ Юношеский детский сектор Госиздата Белоруссии приурочивает к годовщине издание фотомонтажной книги для детей под названием «Пятнадцать годовщин».

■ Литорганизация Нижнего Новгорода работает над составлением литературно-художественного сборника к XV годовщине Октября. Сборник, в котором примут участие местные писатели и поэты, уже сдан в отделение ОГИЗ. Журнал «Натиск» выпускает специальный номер, посвященный годовщине. Обычно журнал выходит с опозданием на несколько месяцев. Надо полагать, местный ОГИЗ в данном случае сделает исключение и выпустит книжку «НАТИСК» в срок.

И. Е.

■ К XV годовщине Октября Профиздат выпускает несколько коллективных сборников, составленных из произведений рабочих-авторов. В их числе — два сборника рассказов «Хозяева страны» и «Кем я был и кем меня сделал Октябрь». Каждый сборник около 5 печ. листов.

■ Оргкомитет союза советских писателей Армении развернул подготовку к XV годовщине Октября. За время до празднования годовщины писатели и работники кружков выступят с творческим отчетом в [illegible] и в промышленных и колхозных районах. Будут прочитаны очерки, рассказы и стихи на тему о соцстроительстве в советской Армении.

Е. МАРТИРОСЬЯН

■ Союз советских писателей Нижней Волги выпускает к годовщине два сборника и серию массовой литературы. В один из сборников — «Под знаменем Октября» — войдут произведения, отображающие историю гражданской войны на Нижней Волге, строительство Сталинградского тракторного завода, саратовского завода комбайнов и камышинской плотины. В сборник также войдут рассказы и очерки, посвященные переделке сельского хозяйства Нижней Волги, борьбе с кулачеством, внедрению и освоению сплошной коллективизации. Второй сборник «Сталинград» (выпускаемый ОГИЗ) охватывает преимущественно тот же самый круг тем.

В. ЛАН

■ Оргкомитет ССП Татреспублики проводит на предприятиях вечера, на которых обсуждаются вопросы перестройки литорганизаций. Такие вечера уже прошли в Пролетарском районе и на крупнейших новостройках Зеленодольска. Вечера положили начало существованию ряда новых литкружков. На сегодняшний день организационно оформлено около десяти производственных литературных кружков. Совместно с комсомольцами оргкомитет приступил к собиранию материалов истории комсомола Татарстана. В октябрьские дни будут организованы массовые читки первых выпусков истории. Для непосредственного участия в создании этой истории выделена бригада татарских писателей. В бригаду вошли старейшие писатели — комсомольцы Ф. Хусни, Муслимов, Б. Зерит и др. К годовщине Октябрьской революции Татгиз выпускает серию очерков рабочих — ударников [illegible]. Выпускаются книги стихов. Некоторые произведения татарских писателей переводятся на русский язык. В октябрьские дни Татгиз совместно с комсомольскими и писательскими организациями проводит массовый вечер творчества молодого поэта Татарстана Б. Зерита.

Ф. СЕМЕНОВ

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЯ

Избавьте нас от Байкова

Зарайский литкружок развернул большую работу. Кружок задался целью написать историю возникновения на Зарайской обувной фабрике «Молодежь» революционного кружка, под руководством которого 25 лет назад была проведена героическая трехмесячная забастовка рабочих. Попутно с этой работой (в первые дни уже была сделана) в кружке, тесно связанном с местной районной газетой «Смычка», развивалась и индивидуальная творческая работа.

В связи с [illegible] руководством газеты, кружок получил нового руководителя, некоего Байкова, абсолютно чуждого жизни литкружка. Он наплевательски относится к работе товарищей, уничтожает продукцию литкружковцев, издевается над их стремлением стать писателями. Все это приводит к полному развалу и прекращению работы в литкружке.

Необходимо, чтобы в наши дела вмешался оргкомитет, в ведении которого перешли литкружки после ликвидации МАПП.

ЛИТКРУЖКОВЕЦ

Смуров советует отложить перестройку

Вологодский оргкомитет союза писателей, созданный около двух месяцев назад, сделал все необходимое, чтобы развернуть работу по-настоящему, как этого требует апрельское постановление ЦК ВКП(б). [illegible]

Но можно ли сказать, что в Вологде все обстоит благополучно с массовой перестройкой?

Нельзя.

Уже в первых шагах оргкомитет натыкается на препятствия. И, как это ни странно, препятствия чинит областная газета «Красный север». [illegible] Редактор газеты [illegible] заявил, что он не считает нужным уделять место «какому-то писательскому объединению».

1 сентября к работе приступила организованная оргкомитетом литературная консультация для начинающих авторов. Редакция газеты согласилась дать об'явление о месте и времени работы литконсультации, [illegible] об'явление через несколько дней.

Секретарь редакции, член б. РАПП Смуров, советует:

— Отложите работу литконсультации на более позднее время. От этого ничего не пострадает.

О предоставлении в газете места для литературной страницы оргкомитету редактор [illegible] и разговаривать не желает.

— [illegible] стихов и рассказов в газете вы не увидите.

Повидимому, работники областной газеты незнакомы с постановлением ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций.

Следовало бы познакомить.

НИИ—НИ

Существует ли консультация ГИХЛ?

7 февраля этого года я послал в литконсультацию ГИХЛ свое стихотворение, а 12 мая — рассказ «Праздничная». Не получив никакого ответа, я отправил несколько писем с просьбой сообщить мне о судьбе посланных произведений. Все напоминания остались также без ответа. Я начинаю сомневаться: существует ли в самом деле консультация ГИХЛ?

Г. БРАЙКО

Волокита в „Резце“

Я — ударник, пришедший в литературу. В октябре 1931 года я написал и отправил в ленинградский журнал «Резец» стихотворение «Новый дом». Литконсультант Б. Розов сообщил мне, что у меня, несомненно, имеется дарование, что стихотворение [illegible], но над ним необходимо еще поработать. Я с жаром принялся за работу и вновь отправил его в редакцию. Прошла половина 1932 года. Ответа не было. После моих просьб и требований Б. Розов сообщил, что стихотворение «Новый дом», вероятно, будет напечатано в «Резце». Прошло еще два месяца. Наконец, в августе этого года мною получено из «Резца» письмо, в котором сообщается, что Б. Розов (настоящая фамилия — Розовский) в редакции «Резца» больше не работает и что стихотворение «Новый дом» в «Резце» напечатано не будет. Я протестую против этой бюрократической волокиты и такого замалчивающего отношения к начинающим авторам в органе, назначение которого — заниматься выдвижением растущих писателей.

Ударник ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

На фабриках книги

■ В ГИХЛ вышел из печати сборник избранных произведений Максима Горького. В сборник вошли: «Рождение человека», «Как сложили песню», «Буревестник», «Товарищ», «Страсти-мордасти», «Мать», «Кладбище», «Легкий человек», «Романтик», «Мордовка», «Азбука», «Голубая жизнь», «Рассказ о необыкновенном», «О тараканах», «Огонь», «Тетушка и смерть». Отбор рассказов произведен самим Горьким. Послесловие к сборнику — «Писатель и политика» А. В. Луначарского.

■ В ГИХЛ вышла брошюра А. Стецкого «Сорокалетие литературной деятельности Максима Горького» (речь на торжественном юбилейном собрании 25 сентября 1932 года в Большом театре).

■ Выйдет роман А. Субботина «Ось». Тема романа — [illegible].

■ По серии «Творчество народов СССР» в ГИХЛ вышли рассказы еврейского писателя Х. Гильдина [illegible] Украине.

■ ГИХЛ издал ряд книг на национальных языках: повесть К. Бабанской «Люди [illegible]» (на [illegible] языке), [illegible] «1918 год» (на карачаево-балкарском языке), А. Лукьянова (сборник стихов на мордовском языке), Артур Мари «[illegible]».

■ По серии зарубежной литературы ГИХЛ выпустил из печати: Чарльз Эшли [illegible] перевод с английского П. Охрименко [illegible] М. Вотиновой.

■ Выходит из печати в ГИХЛ книга избранных стихотворений Уот Уитмена в переводе К. Чуковского, [illegible]. Некоторые стихотворения переводятся впервые [illegible]. А. Луначарского «Уитмен и демократия», К. Чуковского «Уот Уитмен, его жизнь и книга».

■ «Временщик» — исторический роман А. Алтаева — выходит в ГИХЛ. Автор в этом романе изображает первую четверть XIX столетия и показывает аракчеевщину [illegible]. В романе параллельно показана [illegible] А. С. Пушкина.

В ЛЕНИНГРАДСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

■ «Издательство писателей» выпускает книгу рабочего завода «Светлана» А. Орлова [illegible].

■ [illegible] выдает в ЛенГИХЛ новую книгу [illegible].

■ В этом же издательстве совместно с писателями [illegible] выпускают [illegible].

■ Первая книга стихов молодой поэтессы Н. Наумовой выходит в издательстве писателей.

■ Книга Петрова-Водкина «Пространство Эвклида» издается издательством писателей [illegible].

■ Новая повесть Л. Пантелеева [illegible] «Республика ШКИД» [illegible] выходит в ЛенГИХЛ.

■ [illegible] К. Федина, «Вступление» Ю. Германа, «Происхождение» Г. Шилкина, [illegible] С. Розенфельда [illegible] «Кащеева цепь» М. Пришвина.

■ [illegible] выходит [illegible] Слонского.

■ [illegible] издает Издательство писателей.

■ Новые книги Л. Острова [illegible] и В. Андреева «Дни и люди» [illegible] ЛенГИХЛ.

Новые книги Академии

Издательство «Академия» выпустило из печати книгу «Сатира 60-х годов», составленную Н. Сперанским и А. Морозовым, под редакцией и с предисловием В. Бельчикова.

Сборник составлен из произведений социальной и политической сатиры 60-х годов, связанной с именами революционных демократов — Добролюбова, В. Курочкина и других сотрудников «Искры». В сборнике представлены также и другие течения сатирической литературы 60-х годов. В целом сборник дает представление как о легальной, так и о нелегальной подпольной и зарубежной сатирической литературе.

Первый отдел книги посвящен сатире революционных разночинцев и сатирической журналистике 60-х годов, [illegible] («Искра», «Оса», «Гудок», «Будильник», «Свисток»). Во втором собрана сатира представителей буржуазно-дворянского либерализма, в третьем — зарубежная литература [illegible]. Сборник снабжен карикатурами и рисунками из журналов 60-х годов.

* * *

Вышли из печати русские народные сказки «Барин и мужик» под редакцией и с предисловием Ю. Н. Соколова. Рисунки и суперобложка гравера на линолеуме — работы художника Старшинова.

В сборнике воспроизведены сказки, происхождение большинства которых относится к крепостной эпохе.

* * *

В серии «Памятники художественного и общественного быта» вышла книга «Жизнь Бенвенуто Челлини». Перевод, примечания и предисловие М. Лозинского. Вступительная статья А. К. Дживелегова.

* * *

Вышла из печати книга «Арджи» (осетинский эпос) в переводе, обработке и с комментариями Ц. Гатуева. Предисловие и редакция академика Н. Я. Марра. Переплет и суперобложка — по рисункам [illegible] М. Добужинского.

ЕЩЕ КНИГИ

Издательство писателей в Ленинграде заключило договоры на новые книги ленинградских писателей: «Шамонка» Ю. Германа, [illegible] В. Андреева, «Возвращение молодости» — новая повесть М. Зощенко, «Время плюс время» М. Козакова, [illegible] «Невская повесть», [illegible] «Жизнь продолжается», [illegible] «Люди советских будней», [illegible] «Охотники за растениями», [illegible] новый роман М. Пришвина, [illegible] М. Слонимского, «Оборона» В. Саянова (проза), [illegible] М. Фромана, «Материалисты» О. Форш, историко-художественное произведение Н. Тихонова, «Моряки» А. Черненко и беллетристическую книгу В. Шкловского.

„Разведка“

Группа ленинградских писателей — П. Костарев, Ю. Герман, П. Сажин, В. [illegible], И. Дмитриченко, М. Лоскутов — во главе с [illegible] выпускают в ЛенГИХЛ сборник «Разведка». Сборник должен явиться творческим документом этой писательской группы.

Впервые в Саратове

Впервые саратовская писательская организация [illegible].

Молодой драматург Н. Артем [illegible] на краевом конкурсе на лучшее драматическое произведение к XV годовщине Октября. [illegible]

М. РЕН

ГОСИЗДАТ ГРУЗИИ
Вышли и поступили в продажу
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПРОТИВ СОЦИАЛ-ФЕДЕРАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
Сборник статей, составленный под редакцией и с предисловием П. КИКОДЗЕ.
В сборнике статьи Махарадзе, П. Кикодзе, [illegible], Ф. Вартуашвили, [illegible], Б. Меунаргия, [illegible], Г. Ломидзе, [illegible], Ан. Чачикова, [illegible] и Ал. Аганян.
Цена 1 руб. 50 коп. Стр. 188.
П. КИКОДЗЕ
ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД
(Серия Института марксизма-ленинизма при ЦИК Грузии).
Цена 2 руб. 25 коп. Стр. 256.
Заказы можно направлять: 1) Москва, 1-й Кисловский пер., д. 12, Литхуд. Книгоцентр или 2) Тифлис, Исполкомовская, 7, Госиздат Грузии, сектор русских изданий.
Оптовые заказы для книготорговых организаций с 35-проц. скидкой с номинала.
Пересылка наложенным платежом.

СКОРО
НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
ДЕЛА И ЛЮДИ
СЦЕНАРИСТ И РЕЖИССЕР А. МАЧЕРЕТ

НОТЫ—ПОЧТОЙ МОГИЗ'а Москва, Центр, Неглинная, 14.
Высылает исключительно наложенным платежом без задатка клубам, фабзавкомам, Красной армии, школам.
Музыка к 15-летию Октябрьской революции
НОТНАЯ БИБЛИОТЕКА КЛУБНО-ХОРОВОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
СОДЕРЖАНИЕ: 14 хоров, 1 музыкальный монтаж, 2 сборника для хора, 1 сборник для пения с ф-но, 17 песен для пения с ф-но, 2 дуэта для пения с ф-но. Цена нотной библиотеки — 14 р. 25 к.
ШКОЛЬНО-ПИОНЕРСКАЯ НОТНАЯ БИБЛИОТЕКА.
СОДЕРЖАНИЕ: 1 музыкальный монтаж Раухвергера и [illegible] «Октябрь», 14 хоров, 2 марша для ф-но. Цена нотной библиотеки — 4 р. 82 к.
ВОКАЛ. [illegible] Опера в 1 действии. Клавир для пения с ф-но — 4 р.
[illegible]
ДУХОВОЙ ОРКЕСТР: [illegible] Парт. 2 р. 75 к., [illegible] 5 р. 50 к.
ОРКЕСТР БАЛАЛАЕК И ДОМР: [illegible] Парт. 5 р. [illegible] 1 р. 30 к.
СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР: Крейн, А. «СССР — ударная бригада мирового пролетариата» [illegible]
МОСКОВСКИЙ, Симфония № 12 к 15-летию Октября. Парт. 20 р. Голоса — клавир в 4 руки — 7 р. 50 к.
* Выходит в 1-й декаде октября 1932 г.

ВСЕМ РАБОТНИКАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, КРАЕВОЙ, ОБЛАСТНОЙ, РАЙОННОЙ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ НЕОБХОДИМ
ЖУРНАЛИСТ
Ежедекадный журнал теории и практики большевистской печати.
«ЖУРНАЛИСТ» освещает текущую работу печати, организуя широкий обмен опытом, печатает руководящие статьи по важнейшим вопросам газетной работы и теоретическим основам газетного строительства.
Продолжается прием подписки с переходом на 1933 год.
Подписная цена: 12 м. — 9 р., 6 м. — 4 р. 50 к., 3 м. — 2 р. 25 к.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ
РОСТ
Печатает рассказы, стихи и очерки лучших пролетарских и революционных писателей Советского союза и Запада.
Широко ставит на своих страницах узловые вопросы культурной революции — социалистической переделки быта, массового художественного движения и т. п.
Руководит творческой учебой ударников, призванных в литературу.
ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:
Отряды должны иметь своих героев. Писатели на фронтах колхозов. На подступах ко второй пятилетке. Портреты советских писателей. Творческий смотр литературных кружков. Критика и библиография. Театр, искусство, кино. Литконсультация.
В текущем году в «РОСТЕ» будут напечатаны произведения тт. Асеева, Афиногенова, Д. Бедного, Безыменского, Бабеля, Багрицкого, Бахметьева, [illegible], Гладкова, Горького, [illegible], Горбунова, Гусева, Голодного, Громова, [illegible], Жарова, Жиги, [illegible], В. Ильина, М. Кольцова, [illegible], Кирсанова, Кочина, [illegible], Киршона, [illegible], Лавренева, [illegible], Луговского, [illegible], Либединского, [illegible], Медынского, [illegible], Малышкина, Митрофанова, Макарова, Новикова-Прибоя, Панферова, [illegible], Светлова, [illegible], Сидорова, Сухова, Тихонова, Уткина, Фадеева, [illegible], Чумандрина, Шолохова, [illegible], Шагинян, [illegible], Б. Ясенского.
Подписная цена: 12 м. — 5 р., 6 м. — 2 р. 70 к., 3 м. — 1 р. 35 к.
Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, фабрично-заводскими экспедициями, организаторами подписки и общественными распространителями с переходом на 1933 год и в установленные сроки. Опоздавшая подписка переносится на следующий месяц.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ И НА-ДНЯХ БУДЕТ РАЗОСЛАН № 9 ЖУРНАЛА
„НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ“
Ответственный редактор—М. ГОРЬКИЙ.
СОДЕРЖАНИЕ: Цифры побед (транспорт за 15 лет революции). А. ХАЛАТОВ — [illegible] — Москва-Донбасс (очерк). Н. ПАНОВ — [illegible] Л. ГРАЧЕВ — [illegible] Что читать: [illegible] рабочих-писателей, призванных в литературу.
Ежемесячный журнал «Наши достижения» в живой литературной форме показывает и пропагандирует успехи социалистического строительства. «Наши достижения» рассчитаны на передовые слои рабочего класса, колхозников, техническую интеллигенцию, учительство, партийный, комсомольский и профсоюзный актив.
С № 7 ЖУРНАЛ «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» ИЗДАЕТСЯ ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫМ ОБ'ЕДИНЕНИЕМ.
Продолжается прием подписки с текущего месяца
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м.—5 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. Отдельный номер 50 коп.
Подписка принимается только почтой не позднее установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение

Уполном. Главлита В 21350.
Интернациональная (20) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова.